ЗАЛЕТНАЯ КНИЖКА

-Некурящие?... Может, скажешь, есть
еще и непьющие?!
-Есть и непьющие...
-И летают?..

Из Х.Ф. "Небесный тихоход"

Все фамилии в книге вымышлены. Все совпадения с реальными событиями - не случайны

Поезд шел мимо Байкала. Точнее, не шел, а медленно про двигался вместе с нескончаемой очередью других поездов -пассажирских и товарных, проезжая несколько километров и снова останавливаясь. Дорога петляла, огибая сопки, и на ее изгибах и впереди, и сзади была видна бесконечная вереница составов.

В одном купе с Борей Елиным ехали старушка, девушка и краснопогонный старший лейтенант. Старлей пытался девуш ку «склеить», но почему о молча. Он садился рядом с нею на диван и как бы случайно придвигался к ней, а она, читая книж ку, отодвигалась от него к окну, пока не оказывалась зажатой между стенкой, столиком и военным. Тогда она клала книгу, привставала и начинала вылезать в проход, спотыкаясь за ко лени ухажера. Поэтому ничего не оставалось, как выпустить ее и занять исходное положение у входа в купе в ожидании ее возвращения для новой атаки. Когда они в очередной раз ока зались у окошка, бабуля не выдержала:

- Ох ты, гос поди! - сказала она тихонько, но так, чтобы все слышали.

Боря в свои шестнадцать тоже не умел общаться с дамами и, наблюдая за потугами старлея, радовался: уж если офицер теряет дар речи в такой обстановке, то ему, Боре, отсутствие красноречия простительно. Неожиданно старлей заговорил:

– А Вы не знаете, – обратился он к девушке, – почему, если человек выпивает стакан горячей воды, то его температура опускается на один градус, а если выпивает стакан холодной воды, то его температура поднимается соответственно на один градус?

Девушка, ничего не ответив, вышла в коридор. Вмиг покрасневший и вспотевший военный посидел с полминуты и последовал за ней.

Боря не любил военных: они казались ему олицетворением тупости и дисциплины. Дисциплину он просто ненавидел. Но любил самолеты… В мечтах видел себя пилотом военного самолета, лучше всего – МиГ-двадцать первого, считал, что если это не сбудется, он будет самым несчастным человеком на свете, и поэтому ехал поступать в Барнаульское Высшее Военное Авиационное Училище. Он мечтал, чтобы на его самолете постоянно отказывали двигатель, управление и все остальное, а он бы героически выходил из всех этих передряг, и за это готов был терпеть и тупость, и дисциплину.

Конкурса в училище не было, после прохождения медкомиссии и психотбора остался один человек на одно место, так что Боря совершенно напрасно несколько дней в поезде зубрил физику и математику. Принимали и с тройками, причем, если абитуриент все-таки умудрялся получить «два», его направляли на пересдачу. Проблемы возникали у тех, у кого после нескольких дней жизни в казарме пропадало желание быть краснозвездным соколом, чтобы не поступить, недостаточно было завалить экзамен, надо было сделать это три раза подряд. Впрочем, нашлись двое, желавшие поступить, но не сумевшие сдать математику и с третьего раза, они узнали, где живет начальник училища, подкараулили его у подъезда и промямлили:

– Примите нас, товарищ полковник, мы будем хорошо учиться...

Их приняли.

Полагая, что летчики не курят, Боря перед поступлением бросил курить, но, как выяснилось, зря.

Добрая половина будущих курсантов курила, причем как раз в это время в Барнауле был табачный дефицит, в продаже было только кубинское термоядерное курево, и абитуриенты ходили по училищу с «гаванами» во рту. Он закурил снова.

После поступления – курс молодого бойца. Получена форма, пришиты голубые погоны. «Обязанности солдата и матроса», «Боевое знамя части», первые наряды вне очереди, «Так точно!», «Никак нет!», «Ура-а-а!». Гоняют по-честному. Распорядок дня выполняется по секундам, даже покурить с удовольствием некогда. Письма на родину пишутся по нескольку дней в перерывах между бесконечными занятиями, построениями, мероприятиями. Хронический недосып. Как-то после отбоя, когда в казарме усилиями сержантов была установлена полная тишина, Илюша Ермолаев из первого взвода, прозванный уже тогда "Старым полковником" за неторопливость движений и снисходительное отношение ко всему окружающему, громко сказал:

– Если такое дрочево на четыре года, то не лучше ли всю жизнь у станка стоять?

Илюша за это встал в наряд на кухню, хотя под этой мыслью подписалась бы половина курса.

Конечно, все догадывались, что «дрочево» продлится не все четыре года, и вскоре пришло подтверждение этого: с полетов приехал четвертый курс. Выпускников привезли на автобусах, они оказались поголовно пьяными. Начальство бегало, суетилось, пытаясь их построить, но это было невозможно. Они не торопясь вываливались из автобусов, вынимали из карманов фуражки без пружин – «плевки», напяливали их на головы и брели толпой к казарме, таща чемоданы и помогая друг другу не упасть. Орущее начальство они просто не замечали.

Им предстояли госэкзамены и «голубой карантин» – несколько дней ожидания приказа о присвоении лейтенантского звания. Все это время у них не прекращалось пьяное веселье, а стоять на тумбочке дневального в их казарме и выбрасывать пустые бутылки начальство послало первокурсников: сами они отказались делать что бы то ни было… Патруль по городу инструктируют: «Если курсант четвертого курса лежит в городе головой в сторону училища – его следует отнести в казарму, а если головой от училища – то на «губу». Теперь Боря знал, чего нужно достичь в результате боевой и политической подготовки.

Началась учеба…

– Топлифо фот по этой труботьке попатает фот пот эту мем-пранотьку… – убаюкивал «Сказочник» с кафедры двигателей.

– Вы рождены убивать!.. – рычал «Железный Феликс» по авиационному оборудованию.

– В БВВАУЛ очень трудно поступить, но еще трудней его не закончить, – учил жизни «дядя Коля-Колбаса» – радиоэлектронщик.

– Те, кто не принимал сегодня радиотренаж, после занятий пойдут в туалет на третьем этаже и будут делать из него оазис! – воспитывал полковник Ростилов.

Первый семестр – с сентября по апрель – показался бесконечностью. Информации дают так много, что выучить все невозможно. На курсе – двести сорок человек, а количество двоек измеряется тысячами. Увольнений нет: с двойками не положено. Первокурсники ходят в наряд по кухне и обслуживают все училище, а по воскресеньям частенько в караул – сторожить всевозможные склады. Первокурсник знает, что за не очень серьезный проступок может быть отчислен: никакой ценности он из себя еще не представляет, а тогда – прощай, мечта – и в солдаты. Да и друзьями еще не обзавелись…

Тем не менее, Борин курс совершил первый свой «подвиг» в самом начале учебы – коллективную голодовку по случаю отмены в субботу танцев…

Конечно, и танцы не состоялись, и обед они в результате съели, но начальство не заставило, а уговорило их его съесть.

На весенние каникулы перед полетами не едет большая часть курса. Это "академики" – те, кто остался пересдавать экзамены. Боря и его новый друг Игорь Пылюк тоже остались на академию, завалили (о ужас!) историю КПСС. Получилось это так: незадолго до экзаменов устроили проверку конспектов лекций, первоисточников и сьездовских тетрадей. Каждый курсант, помимо изучения самого предмета, за полгода должен был исписать не одну толстую тетрадь, конспектируя сочинения Ленина и решения всевозможных съездов и пленумов ЦК. Понятно, что эта работа делалась только перед самыми экзаменами, и весь курс на неделю-другую засел за переписывание друг у друга конспектов. Боря и Игорь не участвовали в этом безумии, веря, что должно найтись какое-то простое и красивое решение проблемы. И оно нашлось...

Взяв конспекты у тех, кто их уже сдал, приятели сделали новые титульные листы со своими

фамилиями и выдрали задние, где преподаватель уже написал свои замечания и поставил оценку. Это они и предъявили для проверки...

Первым показал конспекты Боря. Просмотрев лекции и первоисточники, преподаватель поставил две пятерки. А в сьездовской тетради он захотел написать какие-то замечания, но в том месте, где решил это сделать, обнаружил оттиск собственной подписи с предыдущего листа, вырванного Борей... Пособображав с минуту и поняв, наконец, что это означает, он зачеркнул две предыдущие пятерки и выгнал Елина, сказав, что сдать историю партии ему теперь будет нелегко...

Боря пошел к выходу, за ним и Игорек, делая вид, будто он сюда зашел от нечего делать...

– А вы-то куда, Пылюк, давайте ваши конспекты...

– Да я вспомнил, мне надо там кое-что подправить... Я в другой раз зайду...

– Давайте, давайте! Сейчас в основном посмотрим, а потом устраните замечания и еще раз зайдете.

Он уже начал проверку, но вдруг догадался – раскрыв одновременно все три Игоревых конспекта, он обнаружил в них разные почерки...

Полеты первого курса – в Алейске. Перед отправкой туда – наземная подготовка в Калманке, она включает и «наземное катапультирование». Для этого предназначен специальный тренажер – макет самолетной кабины, из которой на несколько метров вверх торчит рельс. В целях тренировки каждый летчик дважды в год должен «стрельнуться»: сесть в эту кабину, пристегнуться и нажать на рычаг катапульты – срабатывает пиропатрон, кресло с летчиком выстреливается и едет вверх по рельсу. На самом верху, метрах на пяти-шести, кресло ловится специальным захватом, и испытуемый должен произвести «действия после отделения от самолета»: расстегнуть привязные ремни, податься телом вперед, сымитировав отталкивание от кресла, и выдернуть кольцо парашюта.

Тренажеры эти имеют плохую славу: когда-то давно курсант Грач стрельнулся, как положено, сделал действия после отделения, а захват наверху не сработал. Кресло вместе с Грачом упало с шестиметровой высоты обратно, а поскольку он уже был отстегнут, то ударился подбородком о кабину… Конечно, после такого он уже не летал. Капитан Грач преподавал аэродинамику. Все зубы у него были золотые, а тренажер, принесший ему столько бед, с тех пор так и ржавел на аэродроме – больше на нем не упражнялись и называли его «памятник Грачу».

Начальником над катапультами был прапорщик Гаврилов, человек, помешанный на пиротехнике. Первыми с ним познакомились Вовка Рыбин и Митя Кротов: их отправили в его распоряжение, чтобы помочь организовать «зарницу» для учеников Калманской школы. В соседнем лесу Гаврилов нашел огромный ров, вывалил по краям его несколько бочек напалма, а чуть поодаль зарыл заряд тола с установленной на него бочкой керосина.

Сперва он поджег напалм и заставил бедных школьников бегать туда-сюда по рву в дыму и пламени. А потом, когда они, покрытые потом, пылью и сажей, построились, устроил «ядерный взрыв» – подорвал закопанный заряд. Детей хватил столбняк при виде поднимающегося на десятки метров вверх огромного красно-черного гриба и улетающей в небо бочки, а Гаврилов орал: «вспышка справа! вспышка справа!» и раскладывал их ногами к взрыву и закрывал головы руками…

Перед тем, как катапультировать курсантов, он со своими солдатами два дня налаживал катапульту, ремонтные работы сопровождались периодическими испытаниями: на всю округу раздавался грохот, похожий на удар машины, забивающей сваи, и кресло с солдатом, звеня об рельс, неслось вверх, наводя ужас на курсантов, которым все это еще предстояло…

Когда все было готово, Гаврилов построил курсантов перед катапультой:

– Н-н-ну, п-п-приступим к с-с-стрельбам! В-в-вопросы есть?

Говорили, что заикаться он стал после того, как его угораздило попасть на какой-то полигон во время стрельб.

Вопрос был один, но очень важный. Конечно же, больше всего волновало, как бы этот тренажер не стал кому-нибудь памятником, и озвучил это Влад Тараскин:

– Товарищ прапорщик, а вот говорят, что капитан Грач с кафедры аэродинамики…

– Д-д-достали вы меня своим Г-г-грачом! К-к-кто еще раз про него с-с-спросит – с-с-спишу к едрене ф-ф-фене! К-к-как фамилия?

– Тараскин.

– Полезай в к-к-кабину!

– А че я?

– Спишу к е-е-е..!
Тарасик залез в кабину, пристегнулся и доложил:
– Готов!
– К-к-катапультироваться! – скомандовал Гаврилов.

Влад, как положено, сперва повернул рычаг аварийного сброса фонаря, а потом потянул рычаг катапульты. Рычаг за годы стояния под открытым небом намертво приржавел к креслу, и сдвинуть его с места Тарасику было слабо. Как это удавалось солдатикам из ПДС, испытывавшим тренажер до него, непонятно. Он подергал рычаг еще несколько раз:
– Так оно не это!..
– Тяни с-с-сильней!
Влад побагровел от натуги – рычаг не двигался…

Гаврилов, который тоже побагровел, но только от злости, схватил стоявший рядом двухметровый дрын и двинулся к Тарасику:
– Н-н-ну сейчас я тебе у-у-устрою!..

Убежать Влад не мог, так как был привязан. Когда разъяренный Гаврилов с дрыном приблизился, он сжался и зажмурился, видимо, ожидая удара по голове…

Гаврилов воткнул свой дрын куда-то в механизм кресла, раздался взрыв, оно полетело по рельсу и остановилось на самом верху. Ошалевший Тарасик тупо смотрел на него оттуда…

– Ч-ч-че ты на меня у-у-уставился?! А д-д-действия после о-о-отделения?..

Вечером, после отбоя, когда возбужденный стрельбами народ еще не спал, на улице опять что-то начало стрелять через равные промежутки времени...
– Опять, что ли, катапульта…

Дали очередью... Старый Полковник встал на подоконник и, высунув голову в форточку, увидел несущегося во весь дух солдата, которого догонял другой, с автоматом. Как потом выяснилось, первый шел из самоволки и спьяну зашел на пост, где часовой, как и положено, скомандовал: "Стой, стрелять буду!" Поняв свою ошибку, самовольщик развернулся и пошел назад. "Стой, стрелять буду!" – снова сказал часовой, но нарушитель бросился бежать... Караульный – за ним, изредка постреливая в воздух.

Пробегая под окном, из которого высунулся Старый, он в очередной раз заорал: "Стой, стрелять буду!"
– Че орешь-то? Стреляй! – сказал ему Илюша...

Тот нажал курок. Пули попали в кирпичи возле окна, чудом не зацепив Полковника. Половину эскадрильи хватил столбняк, другая полезла под кровати, а Старый Полковник бегал, пригнувшись почти до полу, по кубрику и шептал: " Е-мое, так и убить могут!.."

В Алейск для подготовки казармы к проживанию был заброшен десант: два десятка курсантов с молотками и пилами, среди них оказался Пылюк.

Спали они все вместе на нескольких сдвинутых друг к дружке кроватях, навалив сверху все имевшееся в наличии теплое имущество – в конце апреля в нетопленой казарме холодно.

Дней через десять, когда половина десанта уже уехала в кал-манский лазарет с простудой, а остальные без бани и нормальной пищи стали вызывать жалость своим убогим видом, Игорь стал поэтом: как-то ночью, лежа под шинелью и трясясь от холода, он родил свои первые стихи:

Обещает быть весна долгой, Только я не доживу, знаю. Нас осталось
человек восемь, Да и те уже помрут к маю.

Бьют дождинки по щекам впалым, Жить осталось нам совсем
мало, Из последних сил поем песню, Помирать – так уж нам всем
вместе

Вот уж, кажется, примерз крайний – Значит, нужно отдирать
снова, Не вернется он домой к маме, А ведь так его ждали дома.

Где-то пятеро друзей наших Варят нам уж два часа кашу,
Сапоги примерзли льдом к полу, Умер восемь дней назад
повар.

И как деды наши, в бой шли мы. На лопатах уж застыла глина. По

субботам нам привозят фильмы, Но смотреть их нет у нас силы.

Проорал петух – вставать нужно. Эх, как раньше б соскочить дружно, Но никто из нас не знал даже, Кто сегодня снова спать ляжет…

У Бори все плохо. Летать хочется безумно. Других уже начали возить, Боря заправляет им перед полетом баки, потом слушает их рассказы об ощущениях и успехах, а сам все чего-то ждет: очереди своей, погоды, пока починят самолет… Вот уже две недели на каждые полеты ему планируют «облет района полетов» – первое упражнение в программе, – а слетать все не удается. То одно, то другое. Один раз даже запустил двигатель, шеф (инструктор) уже запросил разрешение вырулить, но полеты закрыли из-за засветки – грозового облака, которое подошло близко к аэродрому. В другой раз погода была, так Андрюха Ванечкин в полете обрыгал всю кабину. Конечно, Ванечкин должен был ее бегом вымыть, но его мутило, рыгал в полете он уже не первый раз, и дело шло к его списанию – в общем, ему было блевать, успеет Елин слетать свой полет или нет. Пока заправляли самолет, он не торопясь принес воды, тряпку и полез в кабину. Время поджимало, по Анд-рюхиному лицу было видно, что его сейчас опять стошнит, поэтому Боря, выхватив ведро, сам полез мыть Андрюхину рыготину, но шеф махнул рукой:
– Елин, не гоношись, все равно не успеем…

Но в один прекрасный день все условия невероятным образом сошлись. Двигатель запущен, и инструктор везет счастливого Борю на взлетную полосу. Самолет вибрирует на неровностях грунтовой рулежки, пшикают тормоза, в наушниках слышен радиообмен, правда, с непривычки ни одного слова не разобрать.

Самолет замирает на старте, впереди полоса, уходящая к горизонту. Сейчас будет взлет! Сколько же можно было ждать этого взлета, задыхаясь от зависти к собратьям, уже испытавшим это!.. Борю захлестнули эмоции, он ничего не слышал, смотрел неотрывно на уходящую вдаль полосу.
.

Тронулись… «Элка» медленно набирает скорость, трясется, водит носом влево – вправо и, наконец, в последний раз задев колесом землю, взлетает. Как это не похоже на взлет пассажирского лайнера – «Элка» не взмывает, а именно отрывается от земли, с трудом, в самом конце полосы, выжимая в жару все из своего мотора, пережившего пять, а может, и восемь кап-ремонтов. Зато какой обзор! Высота набирается медленно, скорость небольшая, все можно успеть разглядеть…Здорово! Вот самолет на одной высоте с маленькими облачками, он идет прямо в одно из них – небольшое, красивое, правильной формы, – но шеф делает крен сперва в одну сторону, потом в другую, и самолет объезжает облако, а белые щупальца пара проносятся мимо, и Боря загибает голову назад, провожая их взглядом… Он видит крыло, плывущее на фоне зеленой земли, плавно трогает ручку управления, и крыло уходит с земли и начинает двигаться по небу, – это уже его, Борино, крыло.
– Как самочувствие? – это шеф.
– Нормально.
– Держи ручку, ГП – 1200.

Боря выполняет горизонтальный полет на высоте 1200 метров, но на приборы смотреть некогда: все интересное – за кабиной. Самолет снижается до восьмисот метров, но шеф не возражает, требовать соблюдения режима в первом полете – пустое дело.
– Елин, отзовись!
–…
– Елин!
–…
– Елин, твою мать!
– А-а-а?
– Где у нас аэродром?

– Золотую стрелку видишь? Доворачиваем на нее, жми «согласование курса», все, КУР – ноль, мозги нейтрально…

Первый инструктор, лейтенант Паша Брагин, стал для Бори второй любовью. Первой, понятно, были самолеты. Кроме Бори, у Паши в экипаже было еще шесть гавриков, которых ему предстояло научить летать. Паша был невысок, очень широк в плечах, из-за чего к нему еще с училища приклеилось прозвище «Паша-ящик». В понедельник утром от него обычно несло перегаром – у бедных курсантов просто слюнки текли, и хотелось стойко сносить тяготы и лишения военной службы, лишь бы поскорее стать офицерами и вот так же запросто приходить на службу, бравируя своим похмельем. У всех на глазах Паша совершил подвиг – посадил «Элку» с не вышедшей правой стойкой шасси – в общем, было от чего влюбиться. Мог он и похулиганить: как-то приказал Боре и Мите – кровь из носу – добыть настоящие калоши, не объяснив, зачем. Ребятам пришлось сходить в самоволку по Алейским магазинам, но калош нигде не было. Тогда они сперли диэлектрические у электромонтеров и принесли, как и сказал Паша, на полеты. Шеф повелел засунуть их во время газовки под тормозные щитки и сбросил, пролетая над пляжем; калоши, падая с большой высоты, свистят почти как бомбы...

Паша закончил Борисоглебское училище, истребительно-бом-бардировочное, в которое всегда был приличный конкурс при поступлении. Туда принимали только с первой группой психот-бора, и барнаульских курсантов, принятых со второй, он просто презирал и не упускал случая напомнить, что по сравнению с нормальными летчиками вроде него они – просто дебилы.

В последующих полетах от Пашиного благодушия не осталось и следа:

– Елин, чайник, высота у тебя какая, уебок сраный, исправляй, дебил, а за скоростью кто смотреть будет? Сколько можно одно и то же говорить?! Обороты, повидло! Наберут с вокзала с сорок восьмой группой! Крен убери, дубина, как таких дураков учить – ума не приложу! Высота опять! Скорость! Прилетим – изъебу, как мартышку на банановом дереве! Крен!..

Слова не помогают, Паша начинает в истерике бить ручкой управления влево – вправо, ручка в передней кабине вырывается из Бориной руки и больно бьет по коленям, Боря поднимает ноги. Ручка продолжает шнырять по кабине, самолет болтается во все стороны, – мимо.

– Елин, говно, опусти ноги, баран, убью-ю-ю!… – Ручка снова мечется по кабине…

Самолетом давно уже никто не управляет. Боря сидит с поднятыми ногами, Паша, обессилев, тоже все бросил и безучастно взирает на произвольно увеличивающийся крен и уменьшающуюся высоту, на тупую голову в передней кабине, которая, видимо, никогда ничему не научится…

– Елин, – спокойно говорит он, – подними вверх правую руку!

–???

– Елин, пожалуйста, подними руку!

Боря ничего не понял, но поднял.

– Сожми в кулак!

Сжал.

– А теперь ебни себя по голове и скажи: «Я – мудак!»!

Но главная экзекуция – после полета. Боря заруливает на стоянку, а Паша сдвинул фонарь своей кабины назад и стоит, возвышаясь над самолетом с кислородной маской в руке – это такой резиновый набалдашник на длинном гофрированном шланге. Народ, увидев заруливающую «Элку», в которой стоит Паша с маской, торопится на стоянку: будет представление. Самолет останавливается, выключен двигатель, техник открывает фонарь передней кабины и отодвигается на безопасное расстояние: Паша несколько раз бьет маской по Бори-ной башке, спускается на землю и идет в столовую.

– Пожалел бы ты их! – говорят ему другие инструкторы.

– У меня метода такая!..

Боря догоняет:

– Товарищ лейтенант, разрешите получить замечания!

– Елин, сколько на Л-29 деревянных деталей?

– Каких деталей?

– Деревянных! Не знаешь? Иди учи матчасть, помазок, завтра не летаешь!

Поникший Боря бредет в сторону летного домика, навстречу ему – Митя:

– Боря, а ты знаешь, сколько в «Элке» деревянных деталей? – Мите не терпится рассказать только что услышанную новость.

– Сколько?

– Две!

– Какие?

– Жопа инструктора и голова курсанта!

Чтобы перейти на второй курс, надо «вылететь самостоятельно» по кругу – сделать хотя бы один самостоятельный полетик. У каждого инструктора – семь рыл, но вылететь смогут только пять, редко – шесть, остальные просто не успеют: лето кончится. Поэтому в каждом экипаже выстраивается очередь: самые способные летают больше и вылетают первыми, следом – середнячки, а у кого что-то не получается – в конец очереди, и иди дослуживать солдатом. В отстающие можно попасть и за пьянку или самоволку, но инструкторы, уличив курсантов в нарушении дисциплины, как правило, не давали делу законный ход, чтобы очередь на вылет зависела все-таки от способностей, а не от случайных залетов. А наказывали нарушителей так: за казармой было «поле чудес», на котором провинившиеся рыли ямы. Размер соответствовал тяжести проступка: за самоволку на речку – метр на метр на метр; самоволка в Алейск – два на два на два; ну а пьянка – три на три на три. Закапывание этих ям служило наказанием за мелкие нарушения.

Начальник штаба Савин не одобрял бессмысленного перекапывания земли и, насколько хватало фантазии, пытался направить энергию пьяниц и самоходчиков на созидание. Поймав Елина и Пылюка за распитием портвейна на чердаке казармы, он повел их к воображаемой границе лагеря – забора вокруг городка не было, – показал на тропинку посреди поля и сказал:

– Вот здесь надо сделать шлагбаум!

– Какой? – в один голос спросили друзья.

– Автоматический, конечно, в красно-белую полоску!

– А из чего его сделать?

– Подержи арбуз!..

– А краска?

– Найдете.

– А автоматический?

– Придумаете. Если не сделаете к субботним полетам – заложу вас комэске!

Трубы сперли в соседней стройбатовской части – разобрали у них забор. Краску – в столовой, черную и зеленую. В качестве автоматики использовали веревку и ведро с камнями – противовес. Савин остался доволен, даже к цвету не придрался. А идея всем понравилась, поле чудес оставили в покое, а на дорожках и тропинках вокруг лагеря стали появляться автоматические шлагбаумы всевозможных систем и расцветок.

Полетов нет уже вторую неделю. Сперва несколько дней лил дождь, а потом установилась отличная погода, но вся вода стекла на аэродром, и теперь вместо него – огромное озеро. Дело в том, что сопло у «Элки» направлено не горизонтально, а немного вниз, и когда она рулит или взлетает, струя двигателя поднимает в воздух тучу пыли. За годы полетов с аэродрома было выдуто такое количество грунта, что некогда ровная поверхность превратилась в огромную чашу, и в ней после долгих дождей образовалось озеро по колено глубиной. Теперь целыми днями приходится таскать «волокуши» – пятиметровые обрезки рельсов с привязанными по краям длинными тросами. Несколько человек берутся за тросы и рельсом растаскивают воду и грязь из озера на уже сухое место – так аэродром быстрей просохнет.

Чуть не убили Саню Павловского: он шел по летному полю и зашел в тучу пыли, поднятую проезжающим грузовиком. Откуда ему было знать, что к грузовику была прицеплена «волокуша»… Обычно, когда работала машина с «волокушей», рядом находился замкомандира батальона обеспечения и следил за безопасностью:

– Этот трос обрывается и смертельно бьет по ногам! Возможен даже летательный исход!

Но в этот раз он почему-то отсутствовал, и Пава получил и тросом, и рельсом, но отделался царапинами – даже удивительно. Хотя такие приключения с ним не впервой: как-то во время вращения на лопинге у Шуры лопнули оба ремня, крепящие руки, так он с нескольких метров высоты въехал головой в землю. У всех, кто это видел, не было сомнений: «Готов!». Он лежал прямо под лопингом на животе, ноги оставались привязанными к платформе, а платформа эта застряла у него на спине – практически поза циркачки, лежащей на животе и поставившей ноги по обе стороны своего лица, – и не подавал признаков жизни. Пока отвязывали ноги и стаскивали со спины платформу, Шура под ней намертво застрял – он начал приходить в себя, отлежался день в лазарете и назавтра как ни в чем не бывало пришел на занятия, правда, весь заклеенный пластырем, и сколько его потом медики ни пытали – а не было ли потери сознания? – нипочем не сознался.

Порядком устав от «волокуш», курсанты возвращаются в казарму и видят посреди нее огромную

кучу всякого барахла, рядом с кучей – комэск Кубловский. Пока сушили аэродром, он предпринял шмон по тумбочкам и выкинул из них на пол все, с его точки зрения, лишнее:

– Чего только у вас нет!.. У каждого по паре вшивников, вас что, не одевают?! Барахольщики какие-то! Гусев, вот это я нашел в твоей тумбочке, что это?

– Фига…

Комэск смотрит на кусок свинца величиной с кулак – действительно, отлитая из свинца фига.

– Где взял?

– Сам отлил.

– Зачем?

– Не знаю…

– Хм… Я ее, пожалуй, себе возьму. Тараскин, расскажи всем, зачем ты в свою тумбочку наклеил голых баб?

– Просто…

– Да нет, не просто! Тараскин, вместо того, чтобы думать о полетах, открывает свою тумбочку, смотрит на голых баб и получает ЭСТЕТИЧЕСКОЕ удовлетворение! Вот что еще я нашел у будущих краснозвездных соколов! – Кубик вынимает из кучи большой полиэтиленовый мешок, полный таблеток и мазей. – От чего вы лечитесь, ведь все вы прошли медкомиссию и абсолютно здоровы! Да этим мешком можно целый батальон отравить! Среди вас что, есть желающие посадить себе печень?.. Пылюк!

– Среди меня - нет!

– Да я уже не о том! Твой блокнот?

– Мой.

– Сам почитаешь свои стишки, или мне?

– Товарищ командир, не надо читать, отдайте блокнот, пожалуйста!

– Во! – комэск показал Игорю свинцовую фигу, отобранную у Гуся ,– ладно, сам почитаю…

Однажды утром, в ясную погоду, Борис проснулся, поглядел в окно, Зевнул
многозначительно и гордо, Одел штаны и вышел на крыльцо.

Подрыгав в судорогах левою ногою И, встрепенувшись от ночного мора,
Направился в спасительный сортир, Стоявший у высокого забора.

Но вот несчастье, с ним везде оно. Он оступился и упал в говно…

Получилась премьера Пылюковых стихов про Борю, которые он писал от нечего делать и никому до сих пор не показывал. Инструкторы, заслышав стихи, подтянулись из своего кубрика и хихикали в сторонке.

– Но все-таки в душе он был доволен… – продолжал Кубик чтение наиболее понравившихся мест…

…Присев под тополем возле большого камня, Смочив водярой подорожника листок,
Приложил к ране, выпил водочки чуток И начал размышлять о предстоящем плане…

Это была поэма «Борис на рыбалке»…

…На голову Бориса шмякнулось крыло,
И лишь когда открылись оба глаза,
Он увидал, что по реке плыло
Два окунька, три ельчика и восемь водолазов…

Кубик так увлекся, что не замечал, как курсанты выуживали из кучи свои пожитки. Дочитав выборочно про «рыбалку», он принялся за «Первый самостоятельный полет Бориса Ели-на»:

…Но вот уж скоро двадцать пять, Убрал шасси, доклад. Из живота
вернулся вспять Вчерашний шоколад…

…Вдруг самолет, создавши крен, Стремглав рванулся вниз: Вчера был

праздник у Элен, Не хило набрались…

…Борис в башке наводит шмон, Все перепутались слова, На жопу съехал
шлемофон, Ужасно взмокла голова…

…Да, перегрузка – это вещь, Особенно – с похмелья…

…Было видно, что Кубик читает с удовольствием. Инструкторы хихикали, курсанты ржали, Пылюк воспринимал происходящее как бурные, несмолкающие аплодисменты себе. А Боря, которому стихи в общем-то нравились, не мог понять, над чем смеются: над стихами, над Пылюком, над Кубиком или над ним.

Первый самостоятельный… Боря, собрав десяток подписей на допуск и сходив до ветру – "лучше поссать перед боем, чем обоссаться в бою" – сидит, пристегнутый в самолете, техник «готовит кабину инструктора» – связывает вместе ненужные привязные ремни в задней кабине. Подошел Митя, лыбится:
– Дяденька, а вы скоро полетите?..

Боря сосредоточен, прокручивает в голове предстоящий полет и не откликается. Формально это уже его пятый самостоятельный, но предыдущие четыре были сделаны с «опытным пассажиром» – Пашей. Такое частенько бывало – если в курсанте не уверены, он выполнял самостоятельные полеты с инструктором, а чтобы пощадить курсантское самолюбие, мотивировали это плохой погодой. Инструкторы в таких полетах не держались за ручку, а Паша даже притворялся спящим, когда Боря заворачивал голову назад и смотрел на него.
Но в этот раз все по-честному…

На рулении Елину приходит навязчивая мысль: необходимо оглянуться в заднюю кабину и убедиться, что там никого нет. Обернулся – никого. Но беспокойство осталось, ему уже необходимо увидеть всю заднюю кабину, до самого пола. Для этого надо ослабить ремни и, насколько возможно, изогнуться назад, но на рулежке этого не сделаешь: люди смотрят…

Взлет, набор, оглянуться хочется нестерпимо, но некогда. После первого разворота можно, Боря до предела распускает ремни и что есть силы загибается назад… Точно, один…
Вот оно, счастье!

Свежеиспеченный пилот долго наслаждается свободой, вовсе не утруждая себя выдерживанием высоты, скорости и курса, а потом нажимает СПУ и что есть силы орет в пустую заднюю кабину:

– Паша, чайник, дубина, дебил с вокзала, уебок сраный, мудак, баран!

Боря в экстазе начинает бить ручкой из стороны в сторону:
– Говно, на тебе, на!..

Однажды Боря проснулся посреди ночи от рези в животе. Полежал не шевелясь, прислушался к своему нутру… В туалет не хочется, просто болит живот. «Надо уснуть обратно, – подумал он, – и все пройдет». Но боль усиливалась, и уснуть не получилось. «Видимо, в туалет все-таки идти придется», – решил Боря и начал вылезать из-под одеяла – наутро полеты, надо быстрей сбегать и успеть выспаться. Сунул ноги в сапоги и побрел к выходу из казармы, стараясь топаньем не разбудить остальных: удобства на улице. На тумбочке дневального стоял Митя Кротов, улыбаясь до ушей, он вручил что-то проходящему мимо него Боре: тот машинально взял.

Туалет «Ту-16» – огромный сарай, выбеленный известкой и дико вонявший хлоркой, с шестнадцатью дырами в полу, находился метрах в ста от казармы. Вдохнув ночной прохлады, Боря окончательно проснулся и обнаружил, что в руках у него десяток листов бумаги подходящего размера, аккуратно нарезанных из газеты – подарок от Мити. «Ни фига себе сервис» – хохотнул он, от чего в животе что-то перевернулось и уверенно попросилось наружу. «Ой» – не сдержался Боря от неожиданности и застыл, стиснув зубы, волю и ягодицы. До «Ту-16» оставалось шагов пятьдесят. Сильно рискуя, он начал делать мелкие шажки к цели и понял: не дойти! Выбора нет. Шаг в сторону! Пуговки на ширинке – долой! Чьи-то шаги! Стоп!

Не замечая ничего вокруг, мимо него спортивной ходьбой просквозил Фед, резко остановился, замер на мгновенье, сделал шаг в сторону и уселся рядом с тропинкой. Звуки и запахи не оставляли сомнений – собрат по несчастью

«Я дойду!», – решил Боря, у которого как раз чуть-чуть отпустило; он стал мелкими перебежками продвигаться вперед.

Вскоре стали слышны проклятия в адрес пищеблока, доносившиеся из сортира, – свободных мест там не было.

– Этот Савин нормальные продукты ворует, а нам дают, что попало!..

– Засранцы! – кряхтя, отзывался с дальнего очка начальник штаба лагеря, занимавшийся еще и снабжением. – Кроме котелка с кашей, в жизни ни хрена не видели!

Беда не обошла никого, бегали и инструкторы, и комэски. Незадолго до этого бедствия Кубловский издал приказ: в целях борьбы с самоволками дневальный обязан был записывать в специальный журнал фамилию каждого, идущего ночью в туалет, с указанием времени убытия и прибытия. Утром этот журнал почему-то оказался на столе у доктора, проводившего предполетный медосмотр. «Как себя чувствуешь? – спрашивал он каждого. – Сколько раз бегал?». Рекордсмены с че-тырьмя-пятью ходками были отстранены от полетов, остальные – допущены.

Туалет на аэродроме – «Ту-2». Очередь возле него толпилась до окончания полетов – кустов в округе не было. Заруливал на стоянку самолет, останавливался, из него пулей вылетал инструктор и бежал занимать очередь. Через полминуты, выключив двигатель и оборудование, в той же очереди оказывался и его курсант: «Разрешите получить замечания…»

Как-то ночью, среди зимы, на училищный КПП, где, сидя на стульях, сладко спали дневальные – Шура Павловский и Гусь, пришел странного вида полковник. В летнем плащике, в папахе, с белым от мороза огромным греческим носом, в руках – два необъятных чемодана «мечта оккупанта». На ногах были летние туфли на гладкой кожаной подошве – когда он открыл дверь КПП, ноги его разъехались на свежем ледке... От грохота двери и чемоданов мужики проснулись. Полковник поднялся, затащил свой скарб в помещение и заорал, обращаясь к Гу с ю :

– Почему льет?!

– Где льет? – в один голос спросили дневальные, с трудом сдерживая смех.

– Почему льет, я вас спрашиваю!

– Товарищ полковник, – начал обстоятельно объяснять Павловский, – нигде ничего не льет, потому что сейчас зима и все замерзло…

– Я вас последний раз спрашиваю, почему вы льет на ступеньках не отдолбили? Вы оба двое идите в казарму и доложить командиру, что я вас снял с наряда! – полковник уволок чемоданы внутрь училища, ни секунды не сомневаясь, что Пава и Гусь уже бегут наперегонки выполнять его приказание.

Бросив пожитки у дежурного по училищу, пришелец отправился осматривать училищный забор. Осмотр был трудный: пришлось пройти по периметру училища по сугробам, и только на подходе к КПП, по окончании круга, вдоль забора появилась тропинка. Все ясно: здесь пролегает ночная тропа курсантов. Вот пятачок, вытоптанный у забора, тропинки расходятся в разные стороны от него – каждая к своей казарме – тут все перелезают через забор…

Это была тропа для возвращения из самоволки. Со стороны училища высота забора была большой – под три метра, а с другой стороны земля была насыпана выше, и забор был совсем низкий. Вася Винокуров как раз шел из самоволки. Подошел к месту, где забор пониже, положил руки на верх забора, подпрыгнул и повис на заборе пузом. Отработанным движением закинул ноги за забор и оттолкнулся руками: «Вот я и дома!». Перед приземлением глянул вниз и увидел папаху…

Для полковника это было полной неожиданностью, и от падения Васи на голову он повалился в сугроб. Пока он выбирался из снега, Вася уже улепетывал по тропинке в сторону казармы. Полковник бросился в погоню. Вбежав вслед за курсантом в подъезд, он остановился, замер и по звуку Васиных шагов безошибочно определил: объект скрылся на третьем этаже. Он бегом поднялся на третий этаж и зашел в казарму…

Возле тумбочки стояли дневальный с дежурным – спешно застегивали пуговки на форме, по бильярдному столу еще катились шары, два кия валялись между бильярдом и тумбочкой.

Первым привел себя в порядок дневальный. Напялив на голову шапку, он приложил к ней руку:

– Товарищ полковник, разрешите узнать цель вашего…

- Т-с-с-с! Только что в ваше расположение прибыл курсант,

весь в снег!
Ребята переглянулись:
- Не видели...
- Вы двое тоже снят с наряда! Вызвать сюда срочно коман дир батальон, командир рота, командир взвод, дежурный по училищу!

Дежурный и дневальный молча смотрели на него: «А ты, собственно, кто?»
- Я - полковник Кандали, ваш новый начальник училища!

Шутки кончились. В казарме включен свет, все проснулись,
но приказано лежать до прихода командиров.
- Может, не надо? - неуверенно обращается Свисток - ко мандир роты - к Кандали.
- Надо! Куй железный, пока горячий!

И вот новый начальник училища в сопровождении десят ка офицеров подходит к каждому и сдергивает одеяло... До тех пор, пока под сдернутым одеялом не оказывается Вася - в шинели и в сапогах...

Перед полетами второго курса Пылюк и Елин опять оста лись на академию, на этот раз из-за физики. Когда они, как обычно, вместе, представили отчеты по лабораторным и по лучили зачеты, физик спросил:
- Ребята, вы рисовать умеете?
- Да! - в голос ответили ребята, имея в виду предстоящий экзамен...

Их повели в каптерку, где стоял картонный щит полтора на два метра, на котором надо было нарисовать взлетающий с пороховыми ускорителями самолет, мужика в потемках с при бором ночного видения на голове и какие-то графики поверх.
- Ну как, сделаете?

Перспектива рисовать все это показалась заманчивой по сравнению с подготовкой к физике, которую в училище вооб ще никто не учит за ненадобностью.
- Сделаем! - уверенно пообещал Пылюк.
- Думаю, к экзамену успеем, - многозначительно добавил Боря.

- А чем будете рисовать? Есть водоэмульсионка, гуашь, масло…
- Маслом! - сказал Игорь.

Когда преподаватель ушел, Боря спросил его:
- А почему именно маслом?
- Да какая разница, я ничем не умею! А ты?
- Я тоже...

Поначалу получалось плохо и медленно, но постепенно они освоили это ремесло, и к экзамену по физике была готова вполне приличная картина, правда, если на нее смотреть издали. Зато вблизи хорошо были видны графики. Физику картина нравилась, он даже заранее вбил под нее гвоздь...

На экзамен они решили зайти последними, понимая, что получение пятерок для них - простая формальность, но вдруг Пылюку пришла вот какая мысль:

- Слушай, ты ведь физику хоть немного знаешь?
- И что?
- Ну, ты наплетешь там что-нибудь, да плюс картина, получишь пять!
- Ну?
- А я ничего не отвечу - мне четыре...
- И что?
- Давай зайдем и скажем, что ничего не знаем, так как писали картину, тогда нам поставят поровну, так будет честно...

Игорек объявил преподавателю, что они с Елиным не готовились к экзамену, так как рисовали картину, и им сразу же поставили поровну!

Когда они на третий день каникул пришли на пересдачу, картина висела на месте, и кто-то уже успел поставить подпись художника: " Трест, который лопнул".

На полетах второго курса женился Серега Куценко. Невеста жила неподалеку от полка, была страшненькой и намного его старше. Серега и не думал жениться, просто стал бегать к ней в самоволку и несколько раз попался. Начальство всячески пыталось его вразумить, в ход шли также рассказы о ее славном боевом прошлом.

Но Серега ничего не мог с собой поделать и продолжал свои похождения, несмотря на насмешки. Когда он в очередной раз залетел, его вместе с Кубиком вызвал секретарь парткома полка – Серега к тому времени успел вступить в партию:

– Ну что, Куценко, опять самовольно побывал на гражданке?

Серега опустил голову...

– Тебя ведь предупреждали! Серега кивнул, глядя в пол.

– А что хоть за гражданка-то?.

– Да Людка-линза, раньше в штабе писаршей работала! – ответил за Серегу Кубик.

– Линза? Это толстая, что ли... ну... Тренажер для молодых лейтенантов?

– Ну да!

– Куценко, ты что! Ты хоть знаешь, ... что ее весь полк знает?..

– Да говорили мы ему!

– Ну, за такое!.. – секретарь помолчал с полминуты, размышляя, – будем исключать из партии!

Куценко и Кубик молчали – это был приговор. Курсант, исключенный из партии, автоматически вылетал и из училища...

– Его нельзя выгонять! – внезапно нашелся Кубик.

– Это почему?

– Он на ней женится!

Свадьба – в пятницу, на нее, кроме жениха, отпустили еще троих, велели вернуться не позже вечерней проверки и по возвращении обнюхали – все обошлось без эксцессов.

На следующий день никто из начальства о свадьбе не вспомнил, и курсанты, чувствуя слабину, потянулись мелкими группками к дому Серегиной невесты – свадьба-то ведь должна быть два дня...

Узнав это, Игорек попытался найти Борю, чтобы вместе пойти попить к Куценко, но Бори нигде не было. Боря в это время сдавал зачет по метеорологии за Вовку Синицына. За себя он сдал еще вчера, это было простой формальностью. Подполковник, читавший метео, прекрасно понимая никчемность своего предмета для истребителей-бомбардировщиков, два года добросовестно читал лекции и проводил занятия, выдавая всю положенную информацию, но совершенно не интересовался, усваивается ли она... На его занятиях можно было не таясь спать, растянувшись на парте и подложив под голову шапку, или заниматься чем угодно – только не шуметь. В первый день сдачи зачета все выглядело прилично: он задавал экзаменуемому вопрос, и если курсант что-то говорил – не важно что, то получал "четыре". Ну, а если уж совсем молчал – то "три".На следующий день не сдавших осталось несколько человек, среди них и Синицын. Он предложил Боре, убиравшемуся в этот день в кубрике:

– Сходи, сдай за меня метео, а я за тебя пол помою...

Боря с радостью согласился, поменял обложку Вовкиной зачетки с фотографией на свою и пошел...

Метеошника на второй день переклинило. Абсолютное незнание курсантами предмета, хоть оно и являлось следствием его собственного отношения к работе, почему-то стало его раздражать. Задав вопрос о чем-то и удостоверившись, что курсант слышит об этом впервые, он делал взмах рукой куда-то в пространство и говорил: "Иди, и пока не узнаешь ответ, не возвращайся!". Десяток бедолаг ходили по классу и спрашивали друг у друга ответы. Когда ответ на какой-нибудь вопрос все-таки рождался и докладывался метеошнику, тот задавал новую задачку – все это продолжалось почти до обеда.

На свадьбу Игорь и Боря пришли последними. Так как второй день вообще не предполагался хозяевами, закуски не было. На столе не было вообще ничего, только перед каждым сидящим стоял стакан, и каждый наливал себе сам из персональной бутылки, которую держал под столом. Опоздавшие нашли себе по стакану и подсели к Гусю:

– Наливай!

– Неааа! - промычал тот и обхватил свой пузырь под столом ногами...

– Ты что, Гусь? – вытаращился на него Боря.

– Там! – Гусь указал на кухню.

На кухне распоряжался прапорщик Безрогов; видимо, он был родственником невесты... Настоящая его фамилия была "Рогов", но, как-то раз заправив самолет воздухом, он забыл

отсоединить воздушный шланг и разрешил летчику вырулить. Самолет поехал, натягивая шланг, а Рогов стал метаться, не зная, что делать – догонять или прятаться. В конце концов "лягушка" – крепление на конце шланга – отломилась и прилетела ему в голову, стесав скальп...

Безрогов налил каждому по бутылке самогона и предупредил, что добавки не будет.

Они вернулись обратно к столу, где как раз Вовка Ревелев, не в силах ни встать, ни говорить, лежа подбородком на столе, широко проводил перед собой вытянутой рукой со стаканом, предлагая всем выпить:
– Мммммэээээээ!..

Через несколько часов начальство, обнаружив пустую казарму, поняло, что все на свадьбе. Отправившиеся туда инструкторы подоспели вовремя – там как раз начали бить Безро-гова за отказ выдать добавку.

Всех, кто еще мог стоять на ногах, построили и повели в расположение, а остальных Паша Брагин по одному перевез в полк на своей "Иж – Планете – Смерть" с самодельной люлькой, где их затаскивали в казарму через заднее окно, чтобы полковое начальство не видело.

За свадьбу Кубик наказал только Сталкера. Его нашли только утром – он спал между каких-то грядок лицом вверх, впадины его закрытых глаз были вровень с бровями занесены пылью.

Хотя тогда, на втором курсе, Андрей Рогожин был еще не Сталкером, а "Ежом", с этим прозвищем он перешел со старшего курса по болезни, а "Сталкером" сделался вот как:

Народ спокойно рубал летную норму, как вдруг в столовую вбежал Еж и заорал:
– Мужики, хорош жрать, слушайте меня!

Все притихли.

– Сегодня, – продолжал Еж, – в кинотеатре «Родина» будет закрытый сеанс – фильм «Сталкер»! Если сеанс закрытый – значит, это секс-фильм! Давайте выберем ходоков, они пойдут к комбату и добьются, чтобы отменили самоподготовку и разрешили культпоход в кино!
– Не пустят! – сказал Вася Мамонов – старшина.
Народ забухтел...
– Мужики, давайте залупимся! -– завыл Игорь Мужиков.

– Мужик, залупись обратно, охренели вы, что ли?! Кино вместо сампо!

Но к Васе не прислушались. Решили, что на секс-фильм идти непременно нужно. Но кино вместо сампо – действительно дело неслыханное, и отправить ходоков к комбату мало, нужна настоящая революция. В том, что это секс-фильм, усомнился только Вова Редькин: он читал Стругацких и сказал, что «Сталкер» – это такая мистика-фантастика, вроде того, что инопланетяне устроили «пикник на обочине». Но всем уж очень хотелось на секс-фильм, и Вову слушать тоже не стали.

После обеда весь курс выстроился в казарме, избранные делегаты во главе с Ежом отправились в ротную канцелярию предъявлять требования командованию. Весть об очередном бунте в «стае сволочей» – такое название заслужил к тому времени Борин курс – моментально облетела училище, и вот уже перед ними полно начальства: комбат, Свисток, все взводные, пришел даже дежурный по училищу – Посланный полковник и два преподавателя – майоры

Посланным полковник Брюквин стал после того, как его послал Митя. Как-то раз, когда Митя стоял на тумбочке, вернее, спал возле тумбочки дневального, развалившись на стуле и положив ноги на другой стул, зазвонил телефон. Было четыре часа ночи... Митя проснулся и презрительно посмотрел на него: ясное дело, это какой-нибудь другой дневальный звонит от нечего делать, чтобы его, Митю, приколоть... Например: "Товарищ курсант, говорит полковник такой-то, срочно постройте весь внутренний наряд у выхода из казармы с лыжами!", или "Срочно отнесите два самых лучших огнетушителя к дежурному по училищу!". Дневальные постоянно так развлекаются. Он взял трубку:
– Герой Советского союза Кротов... Че надо?...
– Товарищ курсант, Вы как разговариваете?! Это говорит полковник Брюквин! Срочно возьмите одеяло, утюг, и бегом несите все это в учебный корпус, в сто двадцать первую аудиторию! Как поняли?

– А не пошли бы вы на хуй, товарищ полковник! Как, поняли? – Митя повесил трубку и принялся спать дальше.

Через две минуты в роту пришел разбираться Брюквин: в учебном корпусе шли какие-то

штабные учения, и там действительно понадобились одеяло и утюг, чтобы гладить карты...

Посланный сказал, что в истории училища не было еще случая, чтобы самоподготовку целого курса отменили даже по какой-нибудь веской причине. А заменить ее порнографией – невозможно и аморально. После его речи стая загудела – каждый высказывал свое несогласие, но тихонько, чтобы голос терялся в общем гуле и нельзя было определить говорящего. Тогда слово взял комбат и объяснил им, что распорядок дня утвержден аж самим министром обороны, изменять его никому не позволено, и посоветовал разойтись по-хорошему. Строй опять загудел, но уже громче. Тут на середину решительно вышел Свисток и что было силы заорал:
– Рота!!! Слушай мою команду!!! Разойдись!!!

Комбат посмотрел на него, как на идиота: ничего глупее и вправду нельзя было придумать – все сделали шаг-другой в разные стороны, и из строя получилась толпа, а вместо гула послышался дружный гогот. Отцов-командиров охватила паника – они бросились в эту толпу и стали орать, что курсанты – сволочи, что их всех надо гнать из армии поганой метлой, пересажать на губу и исключить из комсомола, стали стращать такими большими начальниками, каких только можно себе представить. Батискаф – командир взвода – бегал в толпе, тряс каждого за плечо и, заглядывая в глаза, стонал, имея в виду фильм «Лажа, товарищи, лажа!»

Невероятно, но стая победила! Ее ведут в кино, причем в тайне от командования училища. Чтобы не привлекать внимания, через КПП – мелкими группами, и сбор в кинотеатре – кроме них, в зале всего несколько человек гражданских. Почему свободно продали билеты на закрытый сеанс, никого не волнует: все в предвкушении…

Пока странные люди ходили по «зоне» и швыряли гайки с тряпочкой, стая, в ожидании откровенных сцен, шумно обсуждала свою великую победу над комбатом и другие насущные проблемы, так что гражданским пришлось покинуть зал.

.

К концу первой серии всех охватило волнение. «А где же секс?», «Редькин, какая цивилизация, тут одна канализация!», «Даешь сиськи!», «Еж, давай сам раздевайся!». Ежа давно и след простыл – он давно все понял и слинял, дабы не испытывать судьбу. Еще минут десять все изрыгали проклятия в его адрес, а потом, приуныв, обратились к Батискафу, хихикавшему на заднем ряду: «Товарищ лейтенант, пойдем домой!»
– Нет, ребятки, этот фильм вы досмотрите до конца…

Это был не единственный Ежов подвиг. Неизвестно за что его стали звать "Ежом" на старшем курсе, но когда он попал на Борин курс, то как старшекурсник был назначен зам.ком. взвода. Начал он свое командование с того, что собрал взвод и объяснил, как плохо тот живет...

– Вы рады, что не ходите в наряды вне очереди, потому что у всех вас их столько, что вне очереди все равно приходится ходить по очереди? Но ведь если есть наряды вне очереди, то не ходишь в увольнение... Конечно, вы все идете в самоволку: всех не отчислят, а добавят нарядов – так по фигу... Вот старший курс живет по другой схеме: с комбатом не конфликтует, делает вид, что старается ублажить начальство, конечно, по мере возможности. Это касается всего – от строевой до вступления в партию, и они с этого имеют: свободный выход в город, например... Даже если кто-то там когда-то и напился, «все замнем, возьмем на поруки, влепим выговор»...

Курс, который был "старшим", все училище называло "ком-батовенькиными сыночками". Еж не врал – у них действительно был свободный выход в город, и на это он всех и купил: взвод согласился ради свободного выхода в город длительное время:

– беспрекословно соблюдать распорядок, то есть по команде "Подъем" как один вставать и бежать на зарядку, а не спать в сушилке, пока оттуда не выгонит дежурный офицер;
– каждое утро чистить по-честному сапоги...

– заправлять кровати, как на курсе молодого бойца...

– если все-таки Швелев (сволочь) вместо зарядки пойдет спать в сушилку – не дожидаясь, пока его выловит начальство, самим наставить его на "путь истинный"… И так – по всем пунктам распорядка дня...

– разговаривать с офицерами только по уставу: "Так точно", "Никак нет", "Разрешите идти". Боря Елин дал персональное обещание не произносить в разговоре с начальством фраз: "Разрешите бегом", "Разрешите прогнуться" и не смотреть больше на Свистка молча с выражением лица: "Пошел на хуй!", от которого у того делалась истерика.

Конечно, Еж и начальство предупредил, что начинается новая жизнь, но таких последствий

никто не ожидал... Взвод стал шелковый... Все, как бобики, по команде, бегали на зарядку, сидели на сампо, лежали на местах после отбоя. "Так точно", "Никак нет" – ни одного лишнего слова... Самоволок нет, даже когда Феду приспичило на гражданку, он не пошел, как обычно, в "свободный выход ", а к комбату пришел Еж и упросил отпустить его в увольнение, так как к нему приехала родная сестра – проездом, и поэтому без телеграммы...

Прошла неделя такой жизни, благодушная улыбка не сходила с лица комбата. За все время только раз нахмурил он брови...

...В Борином отделении шла подготовка к сдаче зачета по ОМП – вместо лекций и занятий день самоподготовки, и комбат, заглянув в класс зачем-то, увидел прямо перед собой морду в противогазе...

– Встать! Смирно! – скомандовал дежурный, и все встали, включая морду.

– А это кто? – спросил комбат дежурного, показывая пальцем на противогаз.

– Курсант Мужиков.

– А чего это он... Мужиков, ты чего?

– Бу бу бу! – ответил из противогаза Мужик.

– Чего-чего?

– Бу бу бу бу бубу бу!

– Мужиков, сними противогаз, ничего ведь не понятно!

– Бубубу

– Че «бубубу», сними, говорю!..

– Бу бу бубу бу бубубубу!

...Мужик маялся в противогазе не просто так: однажды Хим-дым, преподаватель ОМП, сообщил, что в Советском Союзе принят на вооружение новый секретный противогаз. Он, в отличие от предыдущих моделей, очень удобен, и боец может выдержать в нем целых восемь часов!

– А в старом сколько? – спросил Мужик.

– Не более четырех . Резина маски начинает давить на железы... вот здесь, под челюстью.... выделяется слюна... боец нестерпимо хочет есть... Через четыре часа такой муки человек в невменяемом состоянии срывает маску и тут же поражается отравляющими веществами противника!

С минуту все помолчали, переваривая, а Мужик сказал:

– Да я бы и в старом восемь часов высидел!..

После занятия к нему подошел Боря:

– Мужик, спорим!..

– Что просижу в противогазе восемь часов?

– Да!

– На бутыль конины!...

Когда зашел комбат, к концу подходил уже седьмой час. Незадолго до этого Боря, пытаясь сломить упорство Мужика, организовал на перемене поход в булдырь. Набрали булочек, котлет и лимонаду, и съели все, рассевшись вокруг Мужика, но тот устоял, хотя железы выделяли слюну с утроенной силой...

– Мужиков, приказываю снять противогаз! – Бубубу.

– Вы слышите, что я говорю? – Бу бубу! – Тогда снимайте! – Бубубу.

– А-а-а?!. – угрожающе заревел комбат, отвыкший за последние две недели от какого бы то ни было неповиновения...

Мужик взял ручку и начал писать: "Тов. п.п-к, я не могу снять п.газ, т.к. выполняю лабораторную работу по ОМП"... Комбата объяснение удовлетворило.

Но за все жертвы пока не было никакого вознаграждения, кроме "Молодцы, так держать!" Наконец Ежу был задан конкретный вопрос: "Когда же свободный выход? Ты там переговори с начальством, или, может быть, оно думает, что за сраные увольнения мы перестали ходить в самоволки навсегда?"

Неизвестно, договаривался Еж или нет, но ко взводу он обратился вот с чем:

– Свободный выход уже близко!.. Осталось последнее усилие!.. Предлагаю: убить комбата строевой!..

Кредит доверия Ежу и так был на исходе. Кроме того, любой знал, что убить комбата нельзя

ничем, но все же ему еще раз поверили...

На вечерних прогулках вместо курения и праздного шатания взвод ходит парадным шагом, шаг этот уже печатается, как от одного человека, только гораздо громче и мощнее. Выучили новую песню, поют на несколько голосов:

– Взвейтесь, соколы, орла-а-ми! – пел высоко и громко Трактор.

– Полно горе горева-а-ать! – подхватывала половина взвода...

– А то ли де... – солировал Трактор...

– А то ли дело под шатрами

А в поле ла-а-гере-е-м стоять! – орал весь взвод.

Они – супер! Они это поняли: никто не ходит в училище и не поет так. И вот – показательные выступления, зрители и жюри в одном лице, ожидающем чуда лице комбата...

Такого он не ожидал – неподдельное восхищение, взволнованное дыхание, даже слеза выдавилась из сурового глаза от возвышенного строевого искусства, но, быстро овладев собой, опытный воспитатель смачно плюнул в курсантские души:

– Хорошо, конечно... Но все равно плохо... Шаг не горох, как раньше, но и не печатается, как от одного человека... Песня тоже какая-то... Про какое-то горе... Запевала поет бабьим голосом – лучше бы все вместе, хором: "А взвейтесь соколы орлами!.."

Еж понимал, что сказанное – наивысшая похвала, на которую только комбат способен, что цель практически достигнута. Нужно еще одно прохождение, только вместо Трактора с его голосом, достойным, может быть, какого-нибудь театра, должен петь весь взвод, да и песню надо заменить на что-нибудь бесспорное. Он отвел строй на исходную и сказал:

– Идем еще раз, последний! Топаем еще громче! Трактор, молчи! Все хором орем: "Мы рождены, чтоб сказку сделать былью!"... Цель – свободный выход!

– Шагом марш! – скомандовал Еж, и взвод пошел, пуская "волну" – "Чух-чух-чух; чух-чух-чух..."

– Запевай! – скомандовал Еж, думая, что "чух-чух-чух" получилось случайно...

– Суворов, братцы, пример для нас, он не терялся в тяжелый час! – заорал взвод самую ненавидимую комбатом песню...

Вечер сменила ночь, в которую почти весь взвод ушел в "свободный выход", Ежа после этого стали называть "Резиновым ежиком", а Боря Елин на утреннем построении на приказ командира взвода пойти почистить сапоги, как обычно, ответил: " Разрешите бегом!"…

А "стаей сволочей" рота стала так:

Из весеннего отпуска на третьем курсе все вернулись вовремя: впереди полеты. Но вот пришел Кандали и сказал, что ничего не готово, МиГов мало, инструкторы еще переучиваются, с отъездом на полеты придется подождать. Так как все запланированные программы пройдены, будут занятия строевой, физо, полимарксосом и прочей ерундой. Чтобы облегчить ожидание полетов, будет увеличено количество увольнений.

Начались унылые дни. На занятия почти никто не ходит, народ ест пряники в булдыре или спит на крыше учебного корпуса. Преподаватели и командиры смотрят на это сквозь пальцы. Вот и суббота, в увольнение отпускают всех поголовно. По возвращении из города все поголовно оказываются пьяными.

В воскресенье не отпускают никого, даже женатиков. «Бунт, – решает рота. – Надо уйти в самоволку, организованно, всем составом, и напиться. Чтобы никому ничего не было, все должны быть одинаково в стельку!». Так и сделали, но бунт не получился – бескомпромиссного их комбата почему-то не было, а Свисток и взводные сделали вид, что ничего не заметили.

Проходит еще неделя, в следующую субботу после занятий командиры собирают всех в казарме, пересчитывают и, сказав, что сегодня из казармы никто не выйдет, остаются дежурить у выхода на улице. По субботам в клубе кино – так и туда не пустили. Пошумев немного, рота загрустила, все

валялись на койках и бездельничали. Дело уже шло к отбою, когда кто-то предложил сделать «паука». Несколько резинок от лыжных креплений, таких черных, длинных и толстых, надо связать в один узел и привязать к узлу нитку. Если выбросить эту штуковину из окна на тротуар, то в темноте и правда очень похоже на огромного паука: узел вместо тела, а концы резинок – ноги; а если потянуть за ниточку, он ползет, переворачиваясь и шевеля ногами. Эффект был поразительный. Ничего не подозревающие горожане, проходя по улице Чкалова мимо казармы и сталкиваясь с огромным ползущим пауком, перепрыгивали на другую сторону улицы. Тоска прошла мигом. После отбоя весь курс, сверкая белыми форменными подштанниками, сидел и стоял на подоконниках и запускал пауков. Недостатка в резинках не было, поэтому были открыты все не заколоченные на зиму фрамуги, и из каждой запускали по нескольку штук. Интересней всего получалось с девчонками. Когда очередная жертва, отбиваясь от стаи чудищ и дико визжа, начинала в панике убегать, открытые окна на третьем этаже взрывались хохотом. Два паука «погибли»: одного «запинал до смерти» какой-то храбрый мальчуган, пока его мамаша вопила, а другой зацепился ниткой за ногу мужика и «погнался за ним» – мужик драпанул чуть не до конца квартала и даже не слышал их ржания. Веселье продолжалось до тех пор, пока кто-то из «потерпевших» не позвонил куда-то «наверх», а оттуда позвонили дежурному по училищу. Дежурный – дядя Коля-Колбаса – побежал прекращать безобразие. Дневальный, который, как и положено в таких случаях, стоял на шухере на дальних подступах к казарме, засек приближающегося дежур ного и понесся всех предупредить, но его вопли потонули в общем хохоте, так что, когда дядя Коля появился, все по пре жнему сидели на окнах и ржали. Он включил свет...

Народ бросил пауков и ломанулся с окон к своим койкам. Обалдевший дядя Коля тыкал в пробегавших мимо него кур сайтов и говорил:

- Я тебя поймал, и тебя, и тебя тоже...

Двоих он даже поймал за подштанники, но, подумав, отпу стил. Видно, пожалел - зачем делать из них козлов отпуще ния.

Наутро пришел сам Кандали:

- Дети с большими хуями... Весь страна ищет для них МиГ двадцать первые, а они... крокозябру запускать! Да вы просто... просто стая сволочей какой-то!

Дядя Коля-Колбаса, полковник по радиоэлектронике, был самым толстым полковником в училище, а может быть, и в мире. С прозвищем своим он был не согласен: « Какая же я колбаса, я скорее булочка!». Щеки у него плавно переходили в плечи, невообразимых размеров живот и задница, необъят ные в талии штаны под тупым углом сужались к ботинкам. При передвижении все это нелепое сооружение семенило мел кими шажками со скоростью не более полукилометра в час и громко дышало, как бегун на дистанции. Говорили, что раньше он был спортсменом, а потом резко бросил. Как-то он шел из кабака вместе со Шкафом и Химдымом - тоже полковника ми. Химдым получил свое прозвище "по специальности" - он преподавал "Защиту от оружия массового поражения", при чем злостно: все препараты для дезактивации и дегазации, о которых заходила речь на занятиях, он, шутки ради, выливал на головы курсантов. Все трое в парадной форме чинно спус кались от главпочтамта к училищу, неторопливо беседуя. Шура Небывайло, шедший в самоволку от училища в сторону глав почтамта, издалека заметил трех полковников и зашел за кус ты, чтобы переждать, пока они пройдут. Сильно маскировать ся не стал - издалека было видно, что они прилично набра лись. И вот что он увидел:

Когда полковники поравнялись с кустом, за которым стоял Шура, их беседа оживилась. Они повздорили, стали посылать друг друга и орать на всю улицу. Вдруг дядя Коля залепил с размаху Химдыму по морде и побежал своими мелкими шажками под горку, тряся жирами и звеня полусотней медалей. Химдым со Шкафом бросились в погоню, медалей на грудях у них было не меньше... Шкаф был физкультурник, каждое утро несколько раз обегал вокруг училищного забора, попутно ловя самовольщиков, он без труда догнал Колбасу и сделал ему подножку. Тот упал на живот. «Брям!» – грохнулись об асфальт медали. Преследователи начали его пинать, матерясь на всю улицу.

На шум прибежали двое милицейских: «Товарищи полковники!.. товарищи полковники!..»

Химдым и Шкаф, не замечая их, продолжали окучивать Колбасу. Они уже не орали, был слышен только звон медалей. Один из сержантов попытался ухватить Шкафа за руку, но тот вывернулся и заорал: «Смирно, я военный!». Сержанты стали по стойке смирно, а полковники продолжили

пинать дядю Колю…

Каждый курсант за зиму должен набегать пятьсот километров на лыжах. Для этого пару раз в неделю проходит поход в лес на берегу Оби, но по-честному бегут "десятку" только несколько человек – спортивные маньяки; остальные же отходят на полкилометра от старта, жгут костер, распивают спиртное, купленное по дороге, а потом в положенное по нормативу время выходят на финиш. Так же проводятся и сдачи зачетов по физо – большинство курсантов за три года учебы так и не пробежали ни одной дистанции…

Но перед весенними каникулами на третьем курсе их все-таки заставили бежать десятку по-настоящему. Дистанция – два круга по пять километров. На середине круга – проверяющий, записывающий номера пробегающих мимо него лыжников. На старте тоже фиксируют при проходе с первого круга на второй. Шланганути нельзя: кто не сдаст зачет – не поедет в отпуск…

Елин и Пылюк не смирились с перспективой бежать десятку и придумали вот что: один из них идет, не торопясь, к дальнему проверяющему и делает вокруг него четыре прохода – два за себя и два за товарища, сменив стартовый номер, который рисовали мелом на плече. А другой в это время ходит возле проверяющего на старте за двоих и два раза финиширует, тоже меняя номера …

Бросили жребий, Боре выпало идти на дистанцию. Он с удовольствием прогулялся по лесу, хихикая в душе над проносящимися мимо взмыленными однокашниками, которым то и дело надо было уступать лыжню: «дурные головы ногам покою не дают…» Обойдя четыре раза проверяющего, вышел из леса и спросил Игоря:

– Ну что, сдали?

– Да понимаешь, я еще на первом проходе лыжу сломал…

Вместо каникул "трест", как обычно, остался на пересдачу.

На весенние каникулы четвертого курса Боря тоже не поехал: ему было объявлено восемнадцать суток ареста. Курсантам крайне редко дают эту «исключительную» меру, но, когда до каникул остается сорок дней, то за все следует только одно наказание – объявляют несколько суток губы. По уставу объявить наказание можно не позднее десяти дней после совершения проступка, а исполнить приговор положено в течение месяца, так что отсидка приходится на каникулы.

«Академиков», оставшихся на каникулах в училище сдавать хвосты на четвертом курсе, не оказалось – все сдали экзамены с первого раза. Остались только «политические» – у кого имеются «сутки». Сажать на губу их, конечно же, не стали, а припахали на работы по ремонту казармы, каждому – объем работ в соответствии с количеством «суток». Работа аккордная: сделал – гуляй в отпуск.

Боря схлопотал пять суток за пьянку с опозданием из увольнения вместе с Мужиком, а остальные тринадцать набрал по мелочи от Свистка. Презирали Свистка все, но у Бори это презрение было так отчетливо написано на лице, что Свист придирался к нему по любому поводу.

Фарон, как обычно, страдал за любовь к искусству: он, когда выпивал, обожал играть на гармошке и петь похабные песни, причем обязательно сидя в трусах на подоконнике. Иногда он исполнял собственные произведения, например: Боря Елин имеет право На бочку влево и бочку вправо…

Начальство, видя его в таком положении, не сомневалось: Фарон пьяный, и все время его ловило.

Филин имел пять суток за «плохой контроль за наведением порядка». Он был дежурным по роте, когда пришла комиссия по «порядку» во главе с замполитом училища. Замполит с ходу подошел к доске документации, провел по ней пальцем и сунул его под нос Филину:

– Филинов, это что?! – на пальце была грязь…

– Грязь!

– А ты знаешь одну хорошую русскую поговорку?

– Знаю!

– Ну, скажи…

– Может, не надо?..

– Скажи, скажи…

– Неудобно, товарищ полковник…

– Чего тебе неудобно? Говори!
– …Свинья везде грязи найдет!

Еще на «политакадемию» остались «десять доноров». Год назад курсант с другого курса обратился ко всему училищу с просьбой сдать кровь для его сестренки – она болела, и донорство так понравилось курсантам, что они стали делать это постоянно. Десяти донорам выписали увольнительные, и они, по-быстрому сдав кровь, пошли в баню, где, нажравшись, так бурно веселились, что утихомиривать их пришла милиция. Когда они в сопровождении патруля прибыли домой, полковник Васильев, зам. начальника училища по летной подготовке, отправил их на губу – до протрезвления, но десяти свободных мест там не оказалось, и они вернулись в казарму, где, запершись в каптерке, пропьянствовали до отбоя – у них с собой было. Ночью, когда кончилась водка, они прошлись по тумбочкам, собрали у всего курса одеколоны, дезодоранты и прочие парфюмерные жидкости, слили все это в трехлитровую банку и выпили.

Наутро, когда все, кроме Гуся, построились перед выходом на зарядку, в казарме невозможно было дышать – нет ничего гаже одеколонного перегара. Гусь не смог встать, поскольку был не с похмелья, как все, а еще пьянее вчерашнего. Свист, пришедший на подъем, тряс его за плечи, затыкал ему нос и дергал за уши – ничего не помогало.

– Товарищ курсант, вы что, пьянствовали ночью один, под одеялом?! Вы что, дебил?!

– Нет, я не пил! – сквозь сон отвечал Гусь, отмахиваясь от Свистка, как от назойливой мухи.

На комсомольское собрание, посвященное этой пьянке, пришел и Васильев. Десять доноров, все как один, написали объяснительные: «Я, такой-то, такой-то, после сдачи донорской крови пошел в баню, где для поднятия тонуса и сил употребил спиртные напитки в количестве 1 (одной) бутылки «Жигулевского» пива».

Сослуживцы, назначенные выступающими на это собрание, все как один негодовали :

– Неужели вы, курсанты-выпускники, могли забыть о своих товарищах и бросить тень на весь курс, когда употребляли спиртные напитки в количестве одной бутылки пива!

Потом выступали комбат и Свисток, они говорили о том, что только полная безответственность, пренебрежение к требованиям уставов и наплевательское отношение к коллективу позволили им употребить спиртные напитки в количестве одной бутылки пива!

Под конец слово взял полковник Васильев:

– Вы же через полгода станете офицерами, пора бы уже научиться пить!.. – у Свистка и комбата отвисли челюсти – Понятно, все мы выпиваем! – комбат начал под столом тихонько дергать Васильева за штанину… – но надо ведь знать меру! Ну, выпил триста грамм, ну четыреста, пятьсот! – комбат тряс его уже со всех сил, весь полковник ходил ходуном, – ну, шестьсот, семьсот! Ну, восемьсот! – комбат со всей силы врезал ладонью по полковничьему заду, так, что тот потерял равновесие, выставив вперед руки, упал ладонями на стол и зло посмотрел на комбата. – Ну и хватит!!!

Митя и Пухов отбывали наказание за караул. Как-то они попали в караул на знамя, Пухов был начкаром. Сторожить знамя – самый противный наряд, надо по два часа стоять на маленькой фанерке, под которой находится выключатель. Сошел с нее – включается сирена. Весь день мимо ходят люди и отдают ему – знамени – честь, при этом часовой должен вытянуться «смирно». Но это днем, а ночью штаб закрывается на клюшку, и Митя решил поспать на посту: воткнул автомат штыком в фанерку – чтобы не звенело, улегся на сундук с деньгами, который тоже находился у него под охраной, и захрапел…

В это время в штаб пришел замполит училища – не для проверки, а по своим делам, может, в кабинете забыл чего-нибудь. Подошел к двери, подергал – закрыто. Посмотрел в щелку и остолбенел, увидев воткнутый в пол Митин автомат. Он стал стучать в дверь со всей силы, прибежал дежурный по штабу и впустил его.

– Чем вы занимались на посту?! – орал он на Митю, а тот стоял «смирно» и молчал: отвечать на посту положено только проверяющим в присутствии начальника караула.

Замполит стал ломиться в караулку, но Пухова, который обязан был узнать его по голосу и впустить, переклинило спросонья:

– Кто там?
– Это я, полковник Яков.
– Пароль!

– Да какой еще пароль, это же я, полковник Яков, замполит училища!

– А чем вы докажете, что вы действительно полковник Яков?

– А разве Вы по голосу меня не узнаете?

– Нет, не узнаю! Пароль!

– Тогда посмотрите в глазок, и убедитесь, что это действительно я, полковник Яков, замполит училища!

– А вдруг я посмотрю в глазок, а Вы мне раз – карандашом в глаз!.. Пароль!

Яков брякнул наугад:

– В огне брода нет!

Пухов залез в карман, достал бумажку с паролем и сказал, ухмыляясь:

– Неправильно! Пароль!

– Почему вы меня не пускаете?! – замполит предположил невозможное: – У вас там что, бабы?

– Какие еще бабы! Мы тут службу несем! Пароль!

Яков вызвал дежурного по училищу, попал с его помощью в караулку и, не найдя там баб и вообще ничего запрещенного, стал орать:

– Почему вы меня не впустили сразу? Как вы могли не узнать меня по голосу? Что за бред – карандашом в глаз?!

Пухов молчал, понимая, что не прав…

– По-вашему, я что – полный идиот?! – Васильев постучал себя портфелем по лбу.

– …Да дело даже не в этом, товарищ полковник!

Вот такой личный состав остался на политакадемию. Командование, проверив у всего курса, отбывающего в отпуск, форму одежды, стрижки и содержимое чемоданов, так утомилось, что по окончании рабочего дня разбежалось по домам, забыв даже назначить старших и ответственных среди «политических». Те поняли ситуацию: друзья, получившие отпускные документы, а, следовательно, право свободного входа-выхода, натащили им море водки, и вечером в казарме был накрыт шикарный стол.

После десятка тостов, когда уже половина политических с трудом стояла на ногах, в казарму позвонил Свист, потребовал к телефону Пухова и назначил его старшим и ответственным за назначение дежурного, дневальных и проведение вечерней прогулки.

Народ, который уже собирался было идти в самоволку, решил сперва выполнить требования командира: на тумбочку дневального поставили чучело из швабры с надетой на нее шинелью, противогаза в шапке вместо головы и со штык-ножом без ножен, заткнутым за ремень; рукав шинели изогнули к голове – отдание чести. Потом, прихватив с собой водки и закуски, пошли на вечернюю прогулку, неся огромный плакат из ватмана: « Политакадемия им. Свистка. Наш лозунг должен быть один: напиться настоящим образом!»

На прогулке были и все остальные курсы, они в отсутствие офицеров неторопливо прогуливались по плацу, скорее толпами, нежели строями, базарили и курили.

Политакадемики прошли по плацу парадным шагом и со строевой песней:

– Йес - тэ – дэй!

Ол май трабал сим соу фа – рэ – уэй!

При этом они шатались и заплетали ноги, чтобы остальные курсы видели, насколько они пьяны…

Возвратившись в казарму, народ еще выпивал, а потом начал укладываться спать, и так бы и осталась эта пьянка обычной, о которой потом никто не вспомнит, если бы не Лева. Он в одних трусах и тапочках "ни шагу назад" пошел к столовой, стал ломиться в дверь и орать на все училище:

– Люська, сука, выходи!

У Люськи, поварихи с пышным задом и необъятными сиськами, вечно вываливающимися из поварского халата, был свой коронный номер: каждый год она подходила с бачком помоев к работающему в наряде на кухне первокурснику, только что поступившему в училище, и спрашивала его:

– Курсантик, ебаться хочешь?!

– Да! – отвечал обычно несчастный…

– Ну вот и поебись! – хохотала Люська, выливая помои на пол…

На нашем курсе от нее пострадал как раз Лева.

Повара вызвали дежурного по училищу, и тот отправил Леву на губу.

С ремонтом и уборкой казармы политакадемики справились за три дня. Свист, придя с утра и видя, что все работы практически сделаны, отдал все отпускные Пухову, сказав, чтобы еще сделали то-то и то-то и чтобы к вечеру никого в казарме не осталось

Доделав все, что было сказано, мужики решили отметить на обеде начало отпуска и только потом разъезжаться. Сгоняли в магазин. Водки не было, набрали «Алтын-кёля» – алтайского облепихового вина, а Боря, бывший как раз дежурным по столовой, организовал праздничный стол.

Только выпили по первой, как пришли повара и предупредили их, чтобы не очень веселились: на первом этаже обедает генерал с округа. Боре сказали идти туда, так как генерал изволят кушать курсантскую норму для проверки и присутствие дежурного по столовой обязательно.

Ел генерал медленно, тщательно пережевывая каждый кусочек – это ведь не просто обед, а инспекция. Начальник тыла училища, начальник столовой, шеф-повар и Боря стояли вокруг него и следили за процессом…

Кормили курсантов хорошо, вряд ли можно было к чему-нибудь придраться, вот только с яйцами была проблема: яйца в училище варили «всмятку наоборот»: желток был твердый, а белок – жидкий. Делалось это так: четырехведерная кастрюля заполнялась доверху яйцами и потом заливалась горячей водой из под крана… Через полчаса воду сливали – яйца готовы!

Накормить генерала этими шедеврами кулинарного искусства постеснялись, и специально для него поставили варить два яйца традиционным способом. Для надежности варили подольше – пока он ел, яйца все кипели, и подали их после чая – на десерт. Генерал дожевал последнее яйцо, встал и сказал:

– Спасибо, все было хорошо, я доволен курсантской нормой!.. Только вот яйца… Этими яйцами можно из пушки стрелять!

Раз уж пришлось к слову – о летной столовой… Уже после выпуска из училища Боря, несколько лет пожирая летную норму, привык к ней и принимал как должное выбор блюд, превосходящий ресторанный, домашнее качество еды и материнское отношение девочек из столовой, которые, прекрасно зная, кто, когда, с кем и сколько, расставляли на завтрак по столам квас и брагу. Когда его сняли с летной нормы и перевели на техническую, он не сильно расстроился и стал питаться в кабаке. Но вот его выгнали из армии. За первый месяц работы на шабашке они с другом Серегой заработали по тридцать шесть рублей, причем двадцать из них Боря отдал за комнату и еще три пятьдесят пришлось потратить на проездной до работы. Проездной они с Серегой купили один на двоих – при таком бюджете покупка двух проездных означала бы голодную смерть. Через несколько дней кондукторы знали, что у них один проездной и они его «незаметно» передают друг другу, но, видя убогие рожи, изможденные недоеданием и ша-башной работой, делали вид, что этого не замечают…

Вот тогда, питаясь на двенадцать рублей в месяц, он понял, что такое летная столовая… За полную свободу пришлось заплатить хроническим голодом и каторжной работой. Во сне стала являться официантка Галя:

– Борщ, харчо, бульон с лапшой?..

Баловать их начали еще в училище: сыр, колбаса, соки, шоколад. Сок на полетах давали черносмородинный, забродивший – практически вино. Курсанты начинали завтрак с нехитрого тоста, потом громко чокались и выпивали свои законные полстакана. Шоколаду было положено каждый день по пятнадцать граммов, но выдавали его сразу за месяц-другой, по нескольку больших плиток. Это называлось «шоколадная получка» или «день авиации». После такой получки народ собирался в кубрике, пил чай и «спорил». В смысле – заключал пари, например: «Спорим, что за полторы минуты ты не съешь стограммовую плитку!». Ставкой обычно была бутылка коньяка.

Поедание шоколада на время – покруче фильмов Чарли Чаплина, можете проверить…

Вся казарма, включая солдат, собиралась поглазеть на то, как очередной претендент на бутыль конины, захлебываясь шоколадной слюной, лезущей у него даже из носа, пытается успеть вмять в себя шоколад, который он потом еще долго будет ненавидеть... Вскоре уже все знали, что предел человеческих возможностей – сто граммов в минуту, за все училищные годы нашелся только один солдат, сумевший сделать это.

На втором курсе, в Калманке, были постоянные перебои с продуктами: то две недели без сыра, то колбасы недодают, то вдруг сметана надолго пропала… Курсанты начали роптать. И не в сметане дело. Просто всем ясно: воруют!..

Начальство не любило выслушивать их жалобы на столовую («Вы что, жрать сюда приехали?»), но вот все же в столовую пришла проверка.

В тот день весь народ был на каких-то работах и на обед не пришел, так что когда комиссия зашла в столовую, там обедали только двое дневальных – Боря и Пылюк. Зная, что никто больше есть не будет – все равно выбрасывать, они не стали есть суп и макароны, а собрали с других столов по полной тарелке котлет и залили это дело доверху сметаной, которую как раз почему-то дали…

Комиссия – шесть человек во главе с замполитом полка – стала вокруг них и уставилась в их тарелки, сглатывая слюну:

– А говорили – не докладывают вам чего-то…

А история про питание на двенадцать рублей в месяц закончилась плохо. В следующую получку мужики получили по триста и, конечно, пошли ужинать в кабак. Оказалось, что после месяца голодовки бутылка водки – смертельная доза, и после ужина Боря вышел на улицу и вырубился. Наряд милиции подобрал его, спящего на тротуаре, и доставил в трезвак, где он уже успел побывать и раньше, но об этом случае – позже.

В отпуск Боря и Мужик собрались быстрее всех и, распрощавшись с остальными, пошли к выходу, как вдруг перед ними возник комбат:

– Вы, кажется, собрались в отпуск? А почему в таком виде? Мужиков, что это у Вас на шее?

На шее у Мужика был цветастый вязаный шарфик, он молча снял его и сунул в карман.

– А что это у вас на руках?!

На руках были цветастые вязаные варежки, которые тоже были немедленно спрятаны.

– А это что?! – комбат указал на Мужиковы модные туфли…

– Ну, товарищ подполковник! – открыл рот Мужик…

– А, так вы еще и пьяные! Обоим еще по трое суток ареста! – комбат ушел в канцелярию.

– Победа была рядом, но ёбнуло снарядом… – сказал Боря, глядя, как остальные политические разбегаются из казармы, на бегу одеваясь.

Завтра – летный госэкзамен. Это стандартный полет на сложный пилотаж на спарке, проверяющие – майоры и подполковники из Борисоглебского училища, их специально привезли на «госы».

Вечером становится известно, что полеты назавтра отменены, хотя официально это и не объявлено. Курсанты собираются в каптерке, накрывают стол, разливают спирт – спирта МиГ-двадцать первые приносят много, а осенью, когда часто случаются полеты в СМУ, – так много, что даже курсантам достается. Используется он для борьбы с обледенением фонаря кабины – просто выливается на фонарь снаружи через маленькие отверстия и смывает лед.

На полет заливается пять литров – в специальный бачок, который находится перед кабиной, пробку которого летчик постоянно видит в полете и прицеливается по ней бомбой: так как «двадцать первый» по рождению истребитель-перехватчик, и прицел его не годится для бомбометания, то для прицеливания надо, чтобы пробка спиртбачка закрыла цель.

Перед началом полетов в СМУ каждый техник получает пять литров, несет их – обязательно в огромном стеклянном графине – к своему самолету и заливает в бачок. Спирта, предназначенного на последующие полеты, никто не видит – его делят начальство и летчики, в процессе полетов он списывается: хотя нажатие кнопки антиобледенительной системы и выливание спирта за борт считается преступлением, даже если действительно ничего не видно из-за льда, после каждого полета в бортовом журнале делается запись: «Нажатие кнопки – одна минута» – то есть спирт слит…

После полетов пять литров из бачка заберет себе техник, если, конечно, успеет – курсанты тоже спирт любят… Но все-таки бачок – законная технарская добыча, и курсантам он достается редко, им приходится довольствоваться «не сливаемым остатком»: после сливания на дне остается пятьдесят – сто граммов, которые можно слить только с помощью Бориного изобретения – виниловой трубки с иглой на конце. Игла опускается в несливаемый остаток, трубка опускается вниз, и из нее делается «отсос», после чего спирт сливается в бутылку. Так как это ноу-хау не афишировалось, то в других эскадрильях несливае-мый остаток оставался нетронутым, и Боря с друзьями, обойдя после полетов весь полк, набирали обычно бутылки две-три, не считая того, что

попадало им в рот при отсосе…

…Пьянка в каптерке продолжалась, когда в не запертую кем-то дверь вошел Паша Нестеров, подполковник, начальник отдела кадров училища. Мужики застыли с поднятыми стаканами, глядя на него:

– Выходи строиться, товарищи выпускники!

Паша Нестеров в сознании курсантов, особенно выпускников, прочно ассоциируется с понятием «судьба»: именно он, Паша, возьмет список курса и пришедший из Москвы список военных округов и объединит их в один документ, называемый распределением. Конечно, в чью-то судьбу вмешается дядя-генерал или мама – работник Барнаульского горисполкома, но основную массу разбросает по жизни Пашина рука: кто-то попадет в Прикарпатский округ, а оттуда – в Афган и останется там навечно, а кто-то – инструктором в родное училище и вместо неба, о котором мечтал, будет всю жизнь видеть только тупую курсантскую голову в передней кабине…

– Я сам был курсантом, много лет был инструктором в нашем училище, мне и в голову не приходило, что можно выпивать перед полетами! А завтра не просто полеты – госэкзамен. Кстати, что вы там пили – водку или спирт?

– Чай!

– Какой чай! Я же видел, водку! Или спирт?!

– Чай, товарищ подполковник! – сказал Гусь, преданно глядя ему в глаза и дыша на него свежим водочным духом…

Паша понял, что ошибся: разумеется, в стаканах уже налит чай, и переверни сейчас хоть всю каптерку – не найдешь ни грамма спиртного.

– Значит, чай!.. Мамонов- старший, ведете всех в санчасть для освидетельствования! Я устрою вам чай!

В санчасти как раз дежурила Людка, жена Редькина по залету, которая, желая счастья себе и мужу, выдала справку: «Запаха спиртных напитков изо ртов нижеперечисленных курсантов не обнаружено».

Паша, осознав, что снова ошибся, отправил всю эскадрилью в городской вытрезвитель на экспертизу, но, когда курсанты ушли, понял, что и это было ошибкой: в вытрезвитель, до которого пешком минут десять, они придут часа через три, когда весь запах выветрится, и принесут справку: «Трезвые».

Однако справку, купленную за несколько килограммов шоколада, ему принесли уже через двадцать минут…

– Судьба повернулась к нам спиной… – промолвил Боря, когда посрамленный Паша, не сказав ни слова, вышел из казармы.

Вскоре стало понятно, почему были отменены полеты: начальство решило не допустить традиционной пьянки выпускников с инструкторами и спектакля для первокурсников под названием «прибытие пьяных летчиков в училище». Во-первых, привели всех к уставному внешнему виду, для чего выдали офицерское ПШ. Понятно, новые офицерские фуражки никто не стал превращать в плевки. На полеты, которые состоялись через пару дней, их отвезли со всеми пожитками, сразу после полетов загрузили весь курс в Ан-12 и увезли в Барнаул, причем в самолете какой-то подполковник, которого они первый и последний раз видели, следил, чтобы не выпивали, а на аэродроме их встретил комбат, так что перед первокурсниками стая предстала, вопреки традиции, трезвой и послушной.

«Госы» сдавались легко, никто ничего не учил, так как «система» сдачи экзаменов за годы учебы была отработана и не давала сбоев: заходя на экзамен и взяв билет, курсант должен доложить: «билет номер такой-то!». Доклад этот делали так: громко, чтобы было слышно за дверью, и следующий входящий приносил предыдущему заранее приготовленный ответ на его билет и передавал, когда оба отходили для подбора необходимых для ответа схем.

Начался «Голубой карантин», ротное начальство не оставляло их ни днем ни ночью и не давало шибко разгуляться. В очередной раз был поставлен вопрос о свободном выходе в город – все предыдущие курсы получали его на «голубом», а некоторые, особо послушные, – и раньше, но «стае сволочей» было отказано. Чтобы как-то занять мающихся от безделья выпускников, их бросили на рытье канавы. «Вот еще!» – сказали они, воткнули лопаты в то место, где надо было копать, и пошли в казарму валяться на койках.

Пришел зам начальника училища:
– Почему вы не выполняете поставленную задачу?!
– Потому что нам не разрешают свободный выход!

Начальство, посовещавшись, сказало: «Выроете траншею – будет вам выход!»

Все опять пошли на траншею, но рыть никто ничего не стал – скинулись деньгами, двое сходили в город и наняли «Беларусь» с ковшом. Тот, копнув несколько раз, вынул из земли пучок каких-то кабелей, после чего поспешил уехать. Так что свободный выход опять обломился.

В последние дни перед выпуском в казарму постоянно заходил Лева – после залета на политакадемии, когда он пьяный и в трусах ломился в столовую, его отчислили, и теперь он служил солдатиком. Он всегда теперь был пьяный и грустный:
– Не улетай, последний Гусь, не то я вовсе ебанусь!

– Лева, ты чего всегда пьяный? Ты же уже в одиночку квасишь, как алкаш!

– Я пью с друзьями! Сколько у меня их осталось – со столькими и пью!..

После парада на площади, получения дипломов «летчик минус инженер» и банкета в ресторане народ стал разъезжаться в отпуск. Боря, Игорек и Митя, выйдя из училища, остановились, в последний раз глядя на училищные ворота:

– Прощай, БарАнаульское училище, не дай бог еще когда-нибудь тебя увидеть…

Боря, Игорь и еще полтора десятка человек попали в Белоруссию. Отгуляв отпуск, они в назначенный день встретились в штабе ВВС Белорусского округа, где командующий, собрав их в классе, рассказал о дальнейшей судьбе: все в Лидскую дивизию на МиГ-27. Поинтересовался, имеются ли усы, которые Боря отрастил в отпуске, на фотографии в его удостоверении, и, узнав, что нет, влепил ему выговор и ушел.

– Только первый день службы, а уже такой карьерный рост! – сказал Вася Мамонов под общее хихиканье.

Прибыли в Лиду, где их собрал в классе комдив и, влепив Боре выговор за усы, сообщил: семеро останутся в Лиде, остальные, в том числе Елин и Пылюк, – в Поставы.

В Поставы их повезли на комдивовском вертолете, Боря заснул по дороге и проснулся от Игорева тычка в бок:
– Смотри!..

Под вертолетом почти до самого горизонта простиралась вода.
– Море какое-то?..
Игорь пошел в пилотскую, спросил:
– Это что?
– Озеро Нарочь, «Белорусское море». Поставы – край озер.
– Наверное, рыбалка хорошая? Что здесь ловится?
– Все, что угодно... Но чаще – триппер!

Юра Хомень, офицер КП, любил выпить и примерно раз в год попадался начальству по пьяному делу, за что обычно бывал разжалован в старшие лейтенанты. Если через год после этого залет с пьянкой не повторялся, то его производили обратно в капитаны. Торжества по этому поводу кончались очередным запоем, и история повторялась. Причем повторялась постоянно, так что уже никто не мог с уверенностью сказать, в каком Юра нынче звании. В полку его звали карьеристом.
Звонят на КП из дивизии, Хомень берет трубку:
– Хомень.

Когда представлялся, он никогда не указывал свое звание – видимо, тоже путал.
– Подскажите, кто ведомый у капитана Еременко?
– Лейтенант Елин.
– Не поняли фамилию, повторите.
– Елин.
– Не поняли…
– Е-е-е-лин.
– Опять не поняли…

– Передаю по буквам: Ебет Ларису Иван Никонов…
– Ка-а-ак?..
– Как – как… Поставил раком и ебет!..

На КП служил еще один карьерист – Бурвиль. Обрастать легендами он начал, еще будучи курсантом Ейского летного училища, когда посадил Су-7 на скорости 500 километров в час, причем не получил ни одной царапины, тогда как от самолета не осталось практически ничего. За сей подвиг его, понятно, отстранили от полетов навсегда, но это не сделало его жизнь безопасней. Уже попав в полк, Бурвиль как-то раз, надувшись пива, ехал из города в гарнизон. По дороге его так приперло по малой нужде, что пришлось просить водителя автобуса срочно остановиться. Вышел на улицу – а спрятаться-то негде: все вокруг освещено, люди ходят… Метался –ме-тался, видит – домик, дверь открыта, ну и забежал… Оказалось – трансформаторная будка… Начал писать. Треснуло так, что расплавился браслет на часах, а Бурвилю – ничего. Потом еще несколько раз выпадал из окон разных этажей, был неоднократно бит, но ничего ему не делалось, разве что все сильнее спивался. А приятели, садясь с ним пить, стали привязывать его на всякий случай к кровати. Прозвище вот придумали… Ну, и служебный рост у человека не заладился.
Сидит Боря в своей комнате, заходит Бурвиль:
– Боря, выпить хочешь?
– Нет.
– А стакан есть?
– На.
– А закусить?
– На хлебушка…
– А вон там, в баночке?..
– Да мы вчера консерву ели, осталось. На...

Довольный Бурвиль достает бутылку морилки для дерева, наливает полстакана, доливает доверху водой.
– Твое здоровье, Боря!

Наутро Бурвиль приходит на построение с мордой цвета «баклажан». Первым нашелся Рыжий Конь, метеошник, который не только был огненно-рыжим, но и косил лиловым глазом, обычно в понедельник утром:

– Ты выпал из окна лицом на асфальт или какал в магазине, где торгуют чернилами?

– Да вчера пили с Елиным, так он дал на закусь консерву какую-то позавчерашнюю…

Все посмотрели на Борю, который стоял в отдалении и ничего не слышал. Морда у него была, как обычно, красная.
– А сам, – продолжал Бурвиль, – есть не стал.

Вечером сидит Боря в своей комнате, опять заходит Бурвиль.
– Боря, выпить хочешь?
– Нет.
– А стакан есть?
– На.
– А закусить?
– На хлебушка…
Такая же морилка разбавляется напополам водой.
– Ну, Боря, будем здоровы!..

– На вот тебе еще колбаски, только не говори никому, что мы с тобой пили…

В Поставах – первая за много лет внезапная тревога. Среди рабочего дня, с постановкой реальной задачи – перебазирование на Лунинец, но с нереальными условиями: подвеска – первый БК...

Это значит, что стоит задача перелететь всем полком в Лу-нинец со всевозможными управляемыми ракетами – лазерными, телевизионными, тепловыми, – и бомбами максимальных калибров.

До этого самолеты с первым БК не поднимались в воздух никогда. Каждый знал, что любая управляемая ракета стоит несколько сотен тысяч советских рублей, причем некоторые из них требуют специального режима хранения – тепловые головки, например, хранят, охлаждая постоянно жидким азотом до минус жуткого количества градусов, и возить десятки их по всей

Белоруссии ради проверки какой-то там боеготовности – верх безответственности. Поэтому летчики формально отнеслись к подготовке, взяв какие-нибудь похожие на полет на Лунинец карты, и расселись по кабинам.

Боря и весь его выводок еще даже не летал самостоятельно по кругу, они предъявили проверяющим из округа тревожные чемоданы, в которых было все, кроме положенной заначки – пятидесяти рублей, и разлеглись под самолетами третьей эскадрильи, в которых их непосредственные начальники заняли готовность... Все ждали отбоя: "Все возвращается в исходное положение!"

Даже когда первой эскадрилье дали команду вырулить, в других эскадрильях даже не вздрогнули: "Как вырулят, так и зарулят!"

Первая выстроилась на полосе, комэск-один доложил: "Сто один, взлет группой..."

Все ожидали, что РП скажет: "Все – в исходное положение!", но он сказал: "Сто один, взлет группой!"

После недолгого замешательства, в процессе которого все догадались, что отбой будет после того, как первая пара включит форсаж, Ильич, комэск первой, скомандовал ведомому:
– Сто второй, выводим!
– Готов...
– Форсаж... Пошли!..

РП молчал... Пара начала разбег, готовясь выполнить команду "Прекратить взлет", но ее все не было... Колеса в воздухе, ведущему второй пары деваться некуда:
– Сто четвертый, выводим!
– Готов...
– Форсаж... Пошли!

В остальных эскадрильях началась истерика... Летчики, сидящие пристегнутыми в кабинах и давно уже доложившие о готовности, завопили:
– Какой маршрут?
– Пылюк, бегом, данные Лунинца!.. Ищи, где хочешь!..

– У меня карта только вот... На полпути кончается!.. Елин, беги найди кусок карты с Лунинцом, пусть даже десятку!..

Больше всех волновался Бойчук: он только что вышел из отпуска, а за это время его перевели в третью, и к тому же весь полк поменял позывные...

– Кто-нибудь! – орал он, сидя в самолете, одиноко стоящем между двумя земляными валами. – Узнайте, какой у меня позывной?..

За первой ушла вторая, за второй – третья... Следом на Ан-12, прихватив с собой необходимое оборудование, улетели и техники. Молодые, не получив никаких указаний от улетевшего начальства, лежа на траве возле опустевшей стоянки, начали обдумывать свое положение. С одной стороны, они сейчас никому не нужны, а жены знают, что полк улетел, и не ждут никого домой, так что самое время пойти куда-нибудь и всем вместе нажраться... С другой стороны – в полку тревога, то есть как бы война, и можно ли вообще в такой ситуации уйти с аэродрома?..

Появился Мандруков, который где-то бегал в поисках каких-то карт, и хотя понимал, что все давно улетели и карты эти никому уже не нужны, выполнил последнее приказание до конца:
– Вы что тут валяетесь?
– Ждем указаний от командования, – ответил за всех Боря.
– От какого? Все же улетели!..

– Гапонов, улетая, приказал передать, что оставляет за себя Мандрукова, а летный состав, не участвующий в учениях, действует по обычному распорядку дня...
– По обычному?

– Ну да!.. Рабочий день закончился, так что мы по домам! С вашего разрешения, конечно, товарищ командир!

Конечно, внутренний голос кричал Мандрукову, что это очередная Борина шутка, но уж больно хотелось верить, что именно его Гапонов выбрал из всех и на время произвел – подумать страшно! – в командиры полка:

– Ну что ж, все по домам! – скомандовал он и, напустив на себя важности, добавил: – Жилого городка не покидать, завтра по распорядку, форма одежды – комбезы!..

– Есть! – дружно ответили остальные, вскочили с травы и, еле сдерживая смех, пошли прочь со стоянки, понимая, что не нажраться теперь просто невозможно.

– Пылюк! – заорал Мандруков, когда все отошли от него метров на сто, – пойди ко мне домой, попроси у жены зубную щетку, пасту и бритвенные принадлежности, и привези это все мне сюда! Скажи, что я не могу покинуть полк до окончания тревоги, так как замещаю командира!

– Есть! – крикнул Пылюк и быстро отвернулся. Насмеявшись вдоволь и отойдя еще метров на сто, он опять обернулся и заорал что было силы:

– Товарищ командир полка, а разрешите бегом?

Мандруков все еще стоял посреди аэродрома и мучился, пытаясь угадать, пошутил Боря или нет, когда к нему подошел Образ печальной лошади – так за вытянутое и не выражавшее эмоций лицо звали начштаба полка:

– А где остальная молодежь из третьей?

– Действует по обычному распорядку дня, пошла по домам...

– Как по обычному?.. Кто отпустил?

– Я!

– Подполковник Гапонов назначил меня временно исполняющим обязанности командира полка!

– Сегодня дежурным летчиком должен был заступать Кис-лицин, но он улетел, надо назначить другого, – сказал Образ, в действительности оставшийся за командира, через минуту вновь обретя дар речи.

– Так кого же я назначу, все ведь ушли?

– Ну, вы-то не ушли, товарищ командир! Себя и назначьте!

"Боря – сволочь! Конечно же, пошутил!" – думал Мандру-ков, бредя понуро на КП.

Как-то раз Боря и все его приятели возвращались из кабака. Расселись по свободным местам в автобусе и молча ехали – разговаривать не хотелось. На очередной остановке вошел пьяный гражданский, осмотрелся, присел рядом с Трактором и предложил ему:

– Давай вот этому в рог дадим, – он указал пальцем на сидящего перед ним Васю Мамонова, – в карманах у него пошарим и побухаем вместе…

От мужика воняло не только портвешком, но на нем был костюм, рубашка и галстук, он не производил впечатление человека, потерянного для общества. Поэтому Трактор, преодолев отвращение и тщательно взвешивая каждое слово, начал воспитательную работу:

- Понимаете, уважаемый, я не могу принять вашего пред ложения. Сама мысль о том, что человек может быть подверг нут насилию, мне противна. Я уже не говорю о том, что вы предлагаете мне взять чужое... Даже не вдаваясь в юридичес кие подробности...

- Ты не понял. Он выйдет на остановке, я подойду с заду, дам ему, он пока будет лежать - я карманы пошарю, а ты толь ко подержишь его, если очнется, а потом зато мы с тобой...

Народ старался не глядеть на них, но с интересом следил за ходом дискуссии. Вася, который слышал каждое слово, решил не бить злодея немедленно, а подождать, до чего они догово рятся.

- Вот вы подумайте: едет человек, никого не трогает, а вы ему ни за что ни про что...

- Вот смотри. Мы с тобой хотим выпить - факт. У этого, -он опять ткнул пальцем в Васю, - есть деньги, но он ведь нас не угостит. Вот мы его и отоварим, а потом нормально отдох нем.

- Представьте себе: этот человек, быть может, очень хоро ший, к тому же прекрасный семьянин, отдохнул сегодня в ре сторане с друзьями и возвращается домой, где его ждет жена...

- Ладно, заткнись, я и сам с ним разберусь...

- С кем? Со мной? - заорал Вася на весь автобус: терпение его лопнуло. Он выскочил в проход, ухватил гада за галстук и дернул вверх, желая его поднять. Галстук лопнул пополам. Мужик, сообразив, что силы не равны, моментально притво рился мертвым и со стоном повалился в проход. Пнув лежа щее тело пару раз и потеряв злость, Вася пошел медленно к выходу - автобус подходил к городку

Последним выходил из автобуса Трактор:

- Вот видите, - он присел возле лежащего в проходе без признаков жизни и положил руку ему на плечо, - Я же гово рил Вам что так вести себя нехорошо!..

Понаехали полковники из Минска и Москвы и объявили тревогу. Постановка задачи: удар всем полком по Лидскому полигону «Неман». Ничего нового, но все бомбы должны быть сброшены только с первого захода. Повторного захода никому не разрешат: на полигоне будет представитель высокой комиссии, а кто прилетит обратно с бомбой – тому хана…

Полковое начальство, понимая, что хана будет не тому, кто прилетит с бомбой, а командиру полка, решило подстраховаться: на Поставский полигон отвезут руководителя полетов, и если кто-то не отбомбится на «Немане», то зайдет сюда и все сбросит, причем молча, безо всяких докладов. РП на полигоне увидит, что кто-то заходит, и скажет в эфир только «разрешаю».

На полигон увезли майора Безносова. Старику Безносу оставался год до пенсии, он неважно видел и летал крайне редко – видно, не очень-то и хотел. Он приехал, забрался на вышку наблюдения и стал пить чай из термоса, ожидая, что будет.

И вот над ним появилась пара. Сделали, как и договаривались, молча правильный заход и вышли на боевой курс. «Разрешаю!» – сказал Безнос и тут только понял, насколько все серьезно: даже со своим слабым зрением он увидел, как от самолетов отделились бомбы – две пятисоткилограммовые чушки!

Поставский полигон – очень маленький, смотровая вышка находится близко к мишеням, и поэтому здесь можно бросать не более пятидесяти килограммов, но вчера об этом почему-то никто не вспомнил.

Безнос видит, как падают бомбы, взрываются, подняв тучи земли, и на него движется взрывная волна – она пригибает верхушки деревьев и образует хорошо видимую волну на поверхности леса. Он упал на пол, закрыл голову руками – и тут же полетели стекла, пятидесятиметровая вышка заходила ходуном…

Пара уходила домой, а Безносов отряхнул с себя стекла и стал думать, что ему делать, если придет еще одна пара…

К счастью, все остальные нормально отбомбились на «Немане».

На очередной тревоге Боре сказали идти в первую эскадрилью на борт 06. Он нашел нужный капонир, получил доклад техника: «самолет подготовлен к спецподвеске», уселся поудобней в кабине и уснул.

Разбудил его полковник Ростон, замкомдива, который и устроил эту тревогу:

– Елин, а ты почему здесь?

– Посадили…

– Какая у тебя подвеска?

– Самолет подготовлен к спецподвеске.

– А какая у тебя задача?

– Выход из-под удара.

– А что такое спецподвеска?

– Атомная бомба.

– А что еще ты знаешь о спецподвеске?

– Ну-у-у…– начал вращать глазами Елин, которому еще не полагалось ничего про нее знать.

– Какой, например будет угол прицеливания с пикирования с углом двадцать?

– Девять сорок пять! – когда не знаешь, нужно отвечать уверенно, спрашивающий и сам может не знать ответа. Но с Ростоном, который знал каждую букву в каждом «документе, регламентирующем летную работу», номер не прошел…

– Ну и куда ты попадешь с таким углом? «В эпицентр!» – чуть было не сказал Боря, но сдержался.

Ростон ушел, а чуть погодя пришел Гапонов, серый от злости:

– Ты че тут сел, кто тебя сюда отправил?

– Так в плане по тревоге у меня этот борт написан…

– Какой дурак тебе его написал?

Хотел Боря сказать, что, мол, подпись-то ваша, но опять сдержался.

– Какой надо установить угол прицеливания для спецподвески?

– Десять пятнадцать

Гапонов не стал спорить – то ли сам не знал, то ли Боря попал в точку.

– Ростон сказал, что ты тут сидишь дурак дураком и ничего не знаешь…
– Так у нас же занятий по спецподвеске еще не было.

Конечно, Елин был ни в чем не виноват, но Гапонову, только что получившему взбучку от Ростона, до зарезу нужен был крайний, и этим крайним должен был стать Елин.
– Дай сюда карту!

Командир полка уставился в Борину карту, пытаясь найти какую-нибудь ошибку, но никак не мог сосредоточиться от злости. Он посмотрел на Борю, как на врага народа, запустил в него картой и, обозвав ядерным агрессором, ушел.

К первому мая в комсомольскую организацию полка пришла бумага: «Предлагаем организовать вечер встречи комсомольцев авиаполка (выпускников летных училищ) с комсомольцами педагогического коллектива пионерлагеря «Зубренок» для обмена опытом общественной комсомольской работы».

Ради встречи с комсомолками «Зубренка» – элитного пионерлагеря на берегу Нарочи, который еще называли "Белорусским Артеком", – Борины однокашники побросали все дела и поехали на полковом автобусе в лагерь, затарившись водкой. Ну и слегка вином, для педагогического коллектива…

Боря с «Зубренком» пролетал, он был начальником караула на знамени и после сдачи наряда к отъезду не поспевал, а на рейсовых автобусах туда добираться с несколькими пересадками – к ночи не доедешь.

В гостиницу после наряда он пришел серым от злости – мало того, что к пионервожатым не попал из-за этого караула, так еще каждая встречная сволочь, видя, как с него, одетого в пиджак, галстук, портупею и сапоги, течет пот, норовит улыбнуться в лицо и сказать: «Умеют же люди красиво одеваться!». В комнате оказался Пылюк.
– А ты что, в «Зубренок» не поехал?

– Да я за носками в магазин ходил и опоздал к отъезду. Давай тогда хоть в бар сходим?..

В комнату заглянул Саня Шухновский – техник с их эскадрильи. Недавно он купил мотоцикл – старую «ИЖ – Планету» с коляской и без документов. Заводилась она только с толкача, все время глохла, на ней совсем не было глушителя и тормозов, но Саня все свободное время гонял на ней по Поставам и округе, умудряясь не попадаться гаишникам. Прав у него, понятно, тоже не было.
– Мужики, одолжите червонец!..

Боря с Игорем переглянулись, посмотрели на Саню и в голос сказали:
– А ты нам – мотоцикл!

«Ижак» неплохо ехал, и мужики добрались до «Зубренка» за час. Официальная часть встречи, похожая на смесь «А ну-ка девушек» и «Любви с первого взгляда», закончилась, начинались танцы, народ уже перезнакомился и разбился на несколько компаний – по два-три пилота и по пять-шесть пионервожатых. Пока Пылюк у входа в клуб тер лицо и куртку лопухами, пытаясь соскоблить налипшую грязь – он ехал за рулем, а переднего крыла на мотоцикле тоже не было, Боря зашел внутрь. Все в ожидании музыки тихонько беседовали, не обращая на Борю внимания, и хотя мужики прекрасно его видели, никто не бросился знакомить с ним свой «кружок».

«Надо срочно попасть в центр внимания!» – подумал Боря. Он подошел к составленным в углу в три этажа стульям, «нечаянно» уронил две крайние пирамиды и после того, как смолк грохот падающих стульев, громко сказал:
– Блядь!!!

В клубе стало тихо, все посмотрели на Борю. А он, театрально смутившись, сказал:
– Извиняюсь…

Танцы в 22.00 по плану не закончились, и по залу начал ходить солдат – водитель автобуса:

– Товарищи лейтенанты, мне к одиннадцати надо в парк заехать…

Товарищи лейтенанты его в упор не видели, и боец в конце концов уехал, а танцы закончились посиделками в воспитательском корпусе.

Пылюк с Елиным пошли в гости к четырем подружкам. Долго пили чай. Боря клеил Наташу – пухленькую, самую некрасивую, но зато самую развязную в компании, а Игорек – Свету, красивую, тощую и до тошноты манерную. Споить девчонок было нечем – у ребят было с собой всего пузырь водки и два сухого, Боря-то ехать вообще не планировал, и у девчонок нашлась трехлитровая бутыль домашнего вина. Все это моментально кончилось и не произвело впечатления. Надежды

парней на то, что двое лишних – две Лариски – посидят недолго и куда-нибудь свалят, не оправдались. Когда отчетливо встал вопрос: «А дальше-то что?», Лариски снова поставили чайник. Боря предложил Наташе прогуляться по берегу Нарочи, та согласилась. Гуляя, слушала Борин жизнерадостный бред, но все его попытки в ночном прибрежном лесу нащупать под платьем девичье тело безжалостно пресекла. Боря, злой, проводил ее до общаги и от предложенного чая отказался, давая понять, что романтический вечер окончен.

– Приезжай к нам девятого мая на праздник! – предложила Наташа .

– Для военного праздник – что для лошади свадьба!

– Как это?

– Морда в лентах, а жопа в мыле!

– Какие же вы все-таки... мужики... Хочется ведь по-человечески, по-дружески, а вы все только об одном и думаете...

– Кто думал о другом, вымер в процессе эволюции! – подвел черту Боря и пошел в клуб – там стульев много, есть, где прилечь. Проходя мимо соседнего корпуса, он встретил Валька и Реву, куривших на крыльце:

– Что, Боря, облом?

– Ну… Зато чаю напился…

– Так если в первый раз не дала – значит, девушка порядочная, можно жениться! – заржали мужики.

– А вас тоже обломили? Вы же вдвоем с одной ушли, такой рыженькой?

– Да мы ее это… Не поделили… Надо было одному уйти, но никто не захотел быть этим одним…

– Так вы бы на пальцах бросили!

– Слушай, – Рева посмотрел на Валька, – давай бросим на пальцах, кто Юльку трахает, и вернемся назад вдвоем. Кому выпадет – тот с ней, а второй – там же пустая кровать есть. …А то спать-то негде…

Оба посмотрели на второй этаж, где жила Юлька – она как раз стояла на лоджии, смотрела на них, и конечно, все слышала:

– Гуляйте… Ебаря!..

- Юля, - еле сдерживая смех, сказал Боря, - если бы вы позволили мне подняться сейчас к вам, то я мог бы немного сгладить ваше неприятное впечатление от этих, даже не знаю, как их назвать, чтобы не обидеть, циничных мужланов!

Юля заулыбалась:

- И вы тоже гуляйте!..

Двери открылись, и на улицу вышел Венгрик. Все четверо дружно заржали.

- Закрылки, форсаж? - спросил его Боря

- Пожар, насос... - ответил Коля

...Словами "закрылки, форсаж, гидросистема, пожар, насос первой группы, перекрывной кран" еще с училища обознача ли пролет, и вот почему...

В кабине "двадцать первого" есть два табло, сигнализирую щих о включении различных режимов, или возникновении отказов: Т10, на котором есть лампочки с такими вот надпи сями, и Т4: "маркер, конус, СПС, триммер". От летчика требу ется знать на память расположение этих ламп на табло, так как надпись может оказаться нечитаемой - краска облупилась, стекло разбилось, разрушено остекление фонаря и глаза от ветра сильно слезятся, и тому подобное... Для простоты запо минания придумывали фразы, соответствующие первым бук вам табло. Т4 называли "Миша Колдобин схватил триппер", а Т10 - "зря, фраер, гладишься, поебаться не придется".

- Олеся, - заорал Венгрик на всю округу, - ну когда же мы достигнем желаемого?

Все четверо, не переставая ржать, покатили к клубу.

Клуб был полон, все мужики, ушедшие несолоно хлебав ши, уже были здесь, кроме Сани Панина - техника, который не пролетал никогда. Саня в свободное от службы время хо дил в летной куртке, которую у кого-то купил, и, общаясь с девчонками, косил под летчика.

- За что тебя бабы любят? - спрашивали нескладного и прыщавого Саню.
- Дураки, я им все обещаю!

– И эти фраера зря гладились! – сказал Игорек, когда Боря, Венгрик, Рева и Валек вошли в зал. Он уже успел удобно устроиться спать на нескольких стульях.

– Мы зато носки новые зря не покупали! – уел его Боря. Все знали, что Пылюк, собираясь на очередную свиданку, всегда покупает новые носки. Потом он эти носки несколько раз надевает на работу, потом – на охоту-рыбалку и после того, как они превратятся в скользкие вонючие «прелки», забрасывает под свою кровать в гостинице. Из-под кровати носки не доставались никогда, и впоследствии, в день, когда он женился, Боря собрал все это добро в мешки из-под картошки . Набралось два с половиной мешка – это «приданое» торжественно вручили Игоревой невесте

– А может, в Мядель сгонять? За самогоном! – предложил кто-то.
– А у Пылюка – мотоцикл…

Елин собрался ехать тоже, но у люльки спустило колесо, и Игорек сказал, что со спущенным колесом лучше ехать одному. В Мяделе он долго колесил по каким-то улочкам, ревя на весь городок мотором без глушителя, пока наконец не повстречал какую-то бабушку. Та, перекрикивая мотоциклетный треск, объяснила, где гонят…

На обратном пути, на развилке, его остановили гаишники. Остановившись, он выключил мотор, со страху забыв, что одному завести с толкача этот драндулет со спущенным колесом вряд ли получится.
– Документы!
– Нету, дома забыл!
– Права!
– Нету!
– Документы на транспортное средство!
– Да говорю же, дома!
– Придется забрать мотоцикл…

Денег, чтобы предложить им, уже не было, а попробовать откупиться самогоном – опасно: и самогон заберут, и пытать будут: «Где взял?»

Просто так отпустить его они отказались, сказали, чтобы назавтра шел в Мядельское отделение для выяснения, и стали дрынькать педаль, намереваясь поехать в свое отделение.
– А че он не заводится?
– А он никогда не заводится!
– Ну-ка, помоги толкнуть!

Два гаишника и Пылюк принялись расталкивать мотоцикл, и хотя Игорь только делал вид, что толкает, мотор начал схватывать. Тогда он незаметно сдернул провод со свечки… Побегав еще минут пять, гаишники стали думать:

– Давай отведем его в отделение, установим личность и оштрафуем!

– Судя по куртке и стрижке, он – военный, штрафовать его не положено, – они вопросительно посмотрели на Пылюка. Тот кивнул:
– Да.
– Ну, не отпускать же его!
– А давай колеса ему проткнем!..

Второму идея понравилась. Он достал складной ножик и, не обращая внимания на Игоревы вопли «Мужики, да вы чего? Да будьте же вы людьми! Да где же ваша совесть?», проткнул и переднее, и заднее колесо. Сказав напоследок: «До свиданья, гражданин, в другой раз не забывайте документы дома!», они ушли в сторону Мяделя.

Когда Игорь дотолкал эту технику до клуба, дело уже шло к утру.

– Ура-а-а! Пылюк вернулся! – послышалось сразу несколько пьяных голосов. Мужики зря времени не теряли – они вышли на дорогу, поймали машину и сгоняли в Нарочь за водкой… К приезду Игоря они уже все допивали, и им было хорошо.

Принесли пойло из люльки, все быстро доходили до кондиции, тем более что закусывать было уже нечем. Слушали рассказ о Пылюковых приключениях, потом стали в сотый раз смаковать

подробности вечерних обломов.

Утром они проснулись от речевок:
– Здоровье в порядке! – кричал запевала.
– Спасибо зарядке! – отвечали ему пионерские отряды.

– Зарядке завтрашнего дня…
– …Физкульт Ура! Ура! Ура!

В клубе стояли с десяток вожатых – вчерашних подруг наших орлов, и одна из них говорила начальнице лагеря:
– Эти звери даже съели всех рыбок из аквариума!

– Почему всех? – возразил Венгрик, отдирая от стула заспанную морду. – Там еще три меченосца остались. …Их хрен поймаешь!

В партию Боря вступил еще на третьем курсе, как большинство. Училищные замполиты, на которых висел план по охму-рению курсантов в коммунисты, все четыре года твердили: «Летчик обязан быть коммунистом! Закончил училище, приехал в полк… Коммунист – растешь! Должности, звания – вовремя! Нет – притормозят, сперва в партию вступи… А в полку сразу не вступишь, там ведь тебя еще не знают – только через год. Так что вступать надо в училище!» Это была правда жизни, все знали, что беспартийный мог дослужиться только до старшего летчика, то есть подняться на одну ступень по служебной лестнице, и все. Но вступление в партию в училище – это был определенный риск: если комсомольца за пьянку или самоволку прорабатывали на собрании и объявляли строгий выговор, то коммуниста сразу исключали из партии, а заодно и из училища. Поэтому разумно было вступать в конце третьего курса – подольше попить и посамоходить, ничем не рискуя, но все-таки и о карьере не забыть…

В училище особых проблем у партийных не было: надо было только пару раз в год сказать чего-нибудь на собрании, а трепаться об основополагающем значении воинской дисциплины в деле каждодневного повышения боевой готовности и всемерного ее укрепления в свете решений партии, правительства и лично… Боря мог безостановочно несколько часов кряду.

А вот обойтись целый год без залетов не вышло. Как-то в выходной они с Митей и Витьком Тараканом обпились в каптерке сухаря с шоколадом и пошли в кино на «Тутси-ми-лашку». Перед фильмом они еще догнались шоколадным ликером, и Витька развезло – он полсеанса храпел на весь зал, чем веселил публику не хуже «милашки», а после фильма не смог самостоятельно выйти на улицу. Когда Митя с Борей, взяв его под рученьки, поволокли к выходу, к ним подошел Санников – зам командира полка по инженерной службе – и потребовал документы… Он был в штатском, и Боря, сообразив, что подполковник не знает их в лицо и по фамилиям, так как в силу своей должности не работает непосредственно с курсантами, «включил дурака»:
– А Вы кто?!
– Я подполковник Санников, замкомполка по ИАС!
За инцидентом с интересом наблюдали гражданские…
– Не знаем такого!..

– Товарищи курсанты, немедленно предъявите документы!
– Предъявите сперва свои, пожалуйста!
В разговор встрял проснувшийся Витек:
– Да пошел ты на хуй, подполковник долбаный!

Документов при себе не оказалось, и Санников, видя, что все четверо находятся в плотном кольце ржущего гражданского народа, поспешил закончить представление – протиснулся между зрителями и убежал куда-то – то ли за документами, то ли звонить в полк…
– Обтекать побежал! – подытожил Витек

В автобус, идущий к части, набилось прилично курсантов. Так что в казарму, где их уже ожидал дежурный по полку (которому позвонил Санников и приказал: вычислить всех пьяных среди возвращающихся из увольнения и арестовать до утра), трое отличившихся прибыли в большой толпе. Сперва дежурный капитан хотел, как и было приказано, каждого обнюхать, но, увидев пришедших из города, понял, что это не обязательно – внешним осмотром он определил десять человек самых пьяных и отправил на «губу», причем Боря и Витек в эту десятку не попали…

Наутро подполковник Санников пришел на губу, чтобы из десяти человек выбрать троих тех самых, вместе с ним пришел и комэск...

Арестантов построили, и оскорбленный подпол сразу же признал Митю:

– Этот!

Немного погодя ткнул пальцем в Вову Кукушкина:
– И этот!
Потом еще походил перед строем, попригляделся, и указал на Серегу Рогова:
– А этого – несли!
– Не несли меня! – запротестовал Серега. – Не меня несли!
– И это не этот! – ткнул в себя пальцем Вова.
– А кто кого нес?!
– Не знаем!
– Значит, так! Тому, которого несли, – трое суток! Тем, которые несли, – по двое! Остальным – сутки!
– За что?! – взвыли все, включая комэска.
– Как – за что? За употребление спиртных напитков, конечно! Вас же вчера всех поймал дежурный!..
– А мы не употребляли!
– Дежурный мог и ошибиться!
– Вот если бы нас направили на экспертизу в медвытрезвитель, то она показала бы, что все мы были совершенно трезвые!
Санников потерял дар речи от такой наглости…
– Экспертизы не было – остальных придется отпустить! – сказал комэск, переполненный гордостью за своих орлов: этих уже на кривой козе не объедешь!
Подполковник с минуту подумал, глядя на торжествующие курсантские рожи, и, тщательно взвешивая каждое слово, сказал:
– Да, остальных придется отпустить. А этим троим за появление в общественном месте в виде, позорящем звание курсанта, и оскорбление простого гражданина, который только хотел призвать их к порядку – допустим, они не знали, что я офицер, – трое суток ареста! – довольный своей формулировкой, он высокомерно посмотрел на комэска – дескать, что скажете?
Тот только развел руками – слов нет…
– Разрешите обратиться! – вклинился подошедший начальник караула – Там пришли два курсанта, говорят, что употребляли вчера спиртные напитки, и просятся на гауптвахту!
Все открыли рты.
– Ну, веди их сюда! – нашелся первым комэск.

На первый план вышли Витек и Боря, устыдившиеся того, что из-за них страдают безвинные, и пришедшие сдаваться.
– Товарищ подполковник! – отрапортовал Елин – Вчера в кино это были мы!..

Народу на губе было так много, что места всем не хватало, и сперва Борю, Митю и Витька определили в общую камеру. Они попали в компанию к восьми солдатикам – чуркам, которые жили здесь уже не по одному месяцу. Это были такие специальные солдаты, которые всей армейской жизни с ее боевой и политической подготовкой, заботливыми отцами-командирами, тяготами и лишениями предпочитали сидение на губе. Как только подходил к концу их очередной срок, они совершали дисциплинарный проступок, нарываясь на новый, и получали еще несколько суток. Неприятностей в арестантской жизни было немного: холод и строевая подготовка. К холоду они давно привыкли, спали на дощатом полу, прикрывшись шинелями, из-под которых торчали фиолетовые голые ноги. Два раза в день их выводили на плац – на строевую. Они с удовольствием грелись, топая с силой об асфальт надетыми на босу ногу сапогами – портянки их, видимо, давно превратились в ничто, а смену белья на губу не присылали. Еще там была специальная лопата, сделанная для издевательства над губарями: к железному прутку диаметром сантиметров восемь был приварен детский совочек для песка – этим орудием дежурный кочегар должен был подбрасывать уголь в котел отопления. Арестанты ссорились из-за очереди на работу в кочегарку: только с этой лопатой и можно было согреться…
Через два часа сидения Витек запротестовал: дескать, нар нет, холодно, чурки спят с голыми ногами, и смотреть на это невозможно – еще сильней мерзнешь. И вообще, не каждый день здесь сидят краснозвездные соколы, без пяти минут офицеры – предоставьте отдельную камеру! Им дали отдельную.
На третий день Витек, посмотрев на двух своих грязных, небритых и насквозь промерзших собратьев, сказал:

– Какие же мы убогие!
– Свиньями здесь пахнет! – откликнулся Митя
Помолчав, все трое заржали – кроме них, здесь никем пахнуть не могло.

– Мужики! – сказал Боря – Вы ведь комсомольцы, вам ничего не будет, а меня могут из партии выгнать, и из училища тоже!..
– Могут!
– Давайте, я скажу, что не пил вовсе, а просто помог нести Витька !
– Давай!

В Поставах же партийная жизнь била ключом. В первую неделю службы в Поставах Борю назначили выступающим на полковом партсобрании.
– Так что я скажу, мы ведь недавно…
– Вот и скажи, что вы недавно!.. – ответил Вакул – их новый комэск.
– Можно, я в другой раз?..
Боря открыл рот от удивления, увидев у себя под носом ва-кулову фигу: большой палец, проходя между средним и указательным, высовывался наружу чуть не на десять сантиметров.

В этот день Боря получал секретную литературу на всех, и пока он после работы ее сдавал, собрание уже началось. По училищным понятиям, это была железная отмазка от собрания, и он поехал домой, а собрание шло по сценарию:
– Слово для выступления предоставляется коммунисту Елину!
– (тишина).
– А где коммунист Елин?
– Коммунист Елин, вам слово!
– (тишина…)
– Такого я не припомню: записаться выступающим и не прийти!

Ему влепили выговор, но больше никогда не назначали выступающим. На собраниях он постоянно спал, и друзья развлекались, внезапно толкая его в бок: «Тебя назвали!» Боря, как и положено в таком случае, вставал и стоял, покуда председательствующий не замечал неизвестно почему стоящего Елина и под общий хохот не предлагал ему сесть.

Как-то его отправили на партактив в Лиду. Ехать надо было на рейсовых автобусах с пересадкой в Вильнюсе, между автобусами было немного времени, и Боря попил пива в «Руднин-ке» – чудном пивном ресторане, где всегда было отличное темное пиво в глиняных кувшинах и фирменное блюдо – свиные ушки в сметанном соусе. Из-за этого он опоздал на автобус и на партактив не попал. Ему опять влепили выговор, но больше никуда не посылали…

Через два года он был назначен секретарем цеховой партийной организации звена – ими всех назначали по очереди на один год. В организации такой – четыре человека: командир звена и трое его летчиков, и они должны были проводить между собой собрания, чего, конечно, никто не делал, но секретарь каждый месяц записывал в специальную тетрадку протокол очередного собрания, план работы, учет выполнения партийных поручений и прочий бред. Елин не смог заставить себя заниматься этой галиматьей и вскоре получил выговор, но и после этого писать протоколы не стал. В ту пору он уже был старшим летчиком и имел полную коллекцию выговоров – от командира звена до командующего ВВС округа включительно, не считая партийных. Карьерный рост в ближайшие годы не предвиделся, и Боря, которого достала вся эта партийная ИБД (имитация бурной деятельности), стал подумывать: а не потерять ли ему партбилет? За это по уставу положено автоматическое исключение из партии, а на летной работе это сказаться не должно. Но Валек его отговорил: во-первых, учитывая Борины заслуги, могут турнуть и с летной. Во-вторых – могут, убоявшись скандала, правдами и неправдами билет восстановить, как уже было, когда его потерял по пьянке секретарь парткома. Ну и в-третьих, придется ходить на все субботники. Дело в том, что все субботники, которые проводились чуть не каждое воскресенье, подразделялись на коммунистические и комсомольско-мо-лодежные. Коммунисты ходили только на коммунистические, а остальные – на все.

Следующий выговор получил секретарь парткома, когда из округа приехала комиссия и наугад проверила партийную документацию: попалась Борина.

После этого, когда приезжала какая-нибудь проверка, председатель, помня, как Елин плеснул ему говнеца за воротник, бежал к Бориному комэску и отпрашивал Борю с работы, но заставить его вести протоколы так и не смогли.

В следующие годы его не сменили на посту секретаря: «У тебя хорошо получается – не перерабатываешь. Будешь пожизненным – как генеральный секретарь!». Он не возражал.

На пару лет его оставили в покое с партийной деятельностью, покуда в его эскадрилью не пришел новый замполит – Боря Иванов. Перед очередным собранием он сказал :

– Елин, сегодня выступишь на собрании по вопросу повышения безопасности полетов!..

– Мне нельзя!

– Почему?

– Если меня записать выступающим, я вообще не приду!

Иванов посмотрел на Еременко, видно, ожидая от него поддержки.

– Не придет! – подтвердил Ерема.

– Ну, тогда в воскресенье поедешь в Лиду на партконференцию и будешь выступать там!

– Нельзя, я не доеду!

– Не доедет, – кивнул Ерема

– Тогда будешь сегодня на собрании сидеть в президиуме!

– Я усну!

– Уснет.

– Только попробуй!

…Зачитали список президиума, проголосовали за него, и Елин пошел занимать место. Место он выбрал очень выгодное – во втором ряду. Впереди него и слева сидел замполит полка, а впереди справа – комдив. Один закрывал Борю от командира полка, а другой – от зама. Место прямо перед ним пока пустовало, и он предложил занять его Рапопорту – технику ростом два метра и четыре сантиметра. Тот стал протискиваться на стул перед Борей, но комдив его остановил:

– Из-за вас же Елину будет не видно! Елин, садись вот сюда!

Так он оказался между большими начальниками. Пока ком

див читал доклад, замполит высматривал спящих в зале и знаками заставлял сидящих рядом их будить, не замечая Елина, нагло спящего рядом с ним самим в первом ряду президиума. Народ, видя это, от души веселился. Комдив, дочитав свой доклад, вернулся на место и, увидев спящего, пихнул его в плечо:

– Хорош ночевать!

Боря повалился на замполита:

– Он что, спал?! – не понимая, как такое возможно, изумился тот.

Боря ничего не мог с собой поделать: все собрание он, убаюкиваемый монотонными речами, проспал, несмотря на постоянные тычки в бока замполита и комдива. Больше партийных поручений ему не давал никто и никогда…

Полеты отменены до сдачи всеми летчиками зачета по знанию нового «Курса боевой подготовки». А в "курсе"!.. Предельно малые высоты!.. Воздушный бой!.. Воздушная охота!.. Такие орлиные слова они до этого слышали лишь в фильмах о войне да в бреднях преподавателей тактики, а теперь читают это о себе, о своей будущей подготовке… Сложный пилотаж на МиГ-27 в мирное время по-прежнему запрещен, но на него будут летать на «спарках»… Не курс, а программа подготовки Чкаловых!

Через месяц-другой слова «воздушный бой» уже не будут вызывать никаких эмоций – во всей истребительно-бомбар-дировочной авиации страны не окажется ни одного инструктора по

воздушному бою, а чтобы дойти до этого упражнения, надо налетать часов двести в год, причем не на троих, как они, а на одного.

К вечеру выясняется, что в ближайшие дни летать вообще нельзя. К примеру, собирается Мандруков выполнить упражнение номер девять – «полет в зону на отработку фигур простого пилотажа», а по новому курсу это уже упражнение номер десять, «полет в зону на простой пилотаж на средней высоте». И виражей надо делать не шесть, как раньше, а пять. И не на тысяче метров высоты, а на полутора тысячах, и так по каждому пункту – все иначе. Для Мандрукова что так, что эдак – никчемный безответственный полет, но в специальной «схемной» комнате висит схема этого полета – плакат размером полтора на два метра, красочно оформленный, на котором написано: «упражнение номер девять». И не имеет Мандру-ков права никуда лететь, пока не будет там написано «номер десять». Вот и садится он вместо полетов в класс и начинает лезвием «нева» отковыривать «девять», а потом плакатным пером вырисовывать «десять».Этим же занимаются и все остальные, так как схем этих – сотни.

На исправление уходит неделя, в процессе которой рождается анекдот о том, что раньше самолеты были бумажными, а летчики – железными, а теперь – наоборот.

Дорисовывались последние схемы. Боря закончил свою раньше всех и вышел на улицу покурить. Конечно, стоять одному перед учебным корпусом и курить, значит, напрашиваться на неприятности, но уж больно приятно побездельничать, зная, что остальные еще пашут. Из окна на втором этаже – класса управления полка – высунулся Вакул:

– Эй, пинжак с карманами, бросай бычок, иди сюда…

От него Боря получил молоток, гвозди и задание: прибить ко всем исправленным схемам рейки – сверху и снизу, чтобы их удобно было подвешивать за веревочку.

– Так там этих схем!.. – офонарел Елин – восемьсот триста пятьдесят две!..

В это время дверь открыл Скоков, молодой:

– Товарищ подполковник, разрешите…

– Разрешаю помочь Елину прибить рейки, сроку вам – до завтрашнего утра, утром Гапонов сам проверять схемы будет.

– Как до утра?

– Не нравится до утра – делайте за сегодня.

– Товарищ подполковник, – Скоков не терял надежды шлангануть, – я сегодня отпросился у комэска по личным делам, меня отпустили после обеда, можно, я два часа поколочу и уеду?

Боря знал, что сейчас будет, и приготовился насладиться зрелищем. Рот Скокова медленно открылся, а глаза округлились – пред ними возникла вакулова фига.

– Товарищ подполковник, а можно мне за это завтра выходной. Хоть полдня.

– За это будет тебе орден Сутулова! С закруткой на спине!

Работы оказалось не так уж и много, мужики управились к концу рабочего дня. Скоков не торопясь расстелил на столе последнюю схему, Боря приложил к ней палку – палка на полметра короче, чем надо. Он поискал глазами другую, но вдруг увидел в окне автобус, в котором было уже прилично народу – видимо, всех пораньше отпустили домой. Опоздать на автобус значит топать до столовой почти три километра…

– Прибивай!

– Так ведь короткая…

– Прибивай! Сейчас автобус уедет!

– Так ведь выебут…

– Бей!!!

Утром Гапонов в сопровождении комэсков зашел в схемную с проверкой:

– Неужели все сделали?

– Все!

– Это радывает нас!.. А вот это не радывает! – добавил он, увидев злополучную схему с короткой рейкой – Кто прибивал?

– Елин и Скоков!

– Позовите-ка их сюда…

Елина не нашли, поймали только Скокова.

– Скажи, лейтенант, как это у тебя так получилось?!

Взгляд Скокова уперся в пуговку на пузе командира полка, брови сдвинулись к переносице…
– Ну, рожай скорей!...

Свита замерла, предвкушая рождение шедевра армейской мысли…
Брови распрямились:

– Понимаете, товарищ полковник – сказал Серега, преданно глядя в командирские глаза, – мы примерили ее – как раз, а прибили – короткая!..

Боря собирал грибы в соседнем с учебным корпусом лесочке, как вдруг перед ним появился обиженный на весь белый свет Скоков:

– Ты тут грибочки собираешь, а меня только что Гапонов раком поставил из-за твоей короткой палки!..

– Ну так!.. – хохотнул Боря – Лучше нет влагалища, чем очко товарища!...

Новые учения – не внезапные, но подготовка только «туда», задачу «обратно» никто не знает. «Туда»: всем полком на «Салдус» – полигон в Латвии. Бомбометание, стрельба, посадка в Даугавпилсе. Два дня спокойной подготовки и взлет. Вторая эскадрилья идет десяткой, ведомая комэском Чесноковым, а перед ними – пара доразведки – Анатолий Василич Федоров с Борей. Они за две минуты до подхода десятки должны прийти на «Салдус», набрать высоту, найти цель и бросить по ней П-50 – пятидесятикилограммовую бомбу. Убить такой бомбой никого нельзя, разве что одного вражеского солдата, да и то, если попадешь ему прямо в лоб. Но зато она выпускает огромное облако оранжевого дыма, которое Чесноков издалека заметит, прицелится по нему и сходу бомбанет всей группой с малой высоты уже нормальными бомбами.

На полпути до полигона погода совсем испортилась: видимость не более четырех километров, самолеты то и дело входят в облака – Боря присосался к Анатолию Василичу на десять метров и ничего, кроме самолета ведущего, уже не видел. Лишь бы не потеряться… Номера поворотных пунктов на щитке управления ЦВМ тоже не переключал – она еще в самом начале какую-то ерунду начала показывать, да и незачем, ведущий-то ведет…
Федоров начинает задавать дурацкие вопросы:
– Три пятьдесят два, у тебя ЦВМ как?

«Видимо, у него тоже ни черта не работает!» – подумал Боря и решил ничего не отвечать. Если скажешь: «не работает» – могут предпосылку повесить, скажешь: «работает» – начнет спрашивать: «подскажи поворотный», а Боря, если честно, не знает даже, который поворотный уже прошли и к которому надо идти. Лучше всего молча послать его подальше…

– Три пятьдесят два, подскажи поворотный! – никак не уймется Анатолий Василич

Вот пристал! Кто знает, где этот поворотный! Но Боря ведь не может сказать в эфир, что всякая ориентировка им давно уже потеряна. Приходится послать его в эфире, но так, чтобы ни один прокурор потом не подкопался:
– Не наблюдаю!..

Ведущий снижается под облака, самовольно уйдя со своей высоты, начинает рыскать вправо, влево, делать большие крены, чтобы разглядеть ориентиры на земле – видно, совсем потерялся. Но мастерство не пропьешь, и на «Салдус» Федоров все-таки выходит, правда, с опозданием в минуту и совсем не с той стороны, откуда собирались. Поэтому пришлось делать лишние довороты, а десятка была уже на боевом курсе, и Чес-ноков скомандовал паре убираться, чтобы не мешались.

Сели в Даугавпилсе. Оказывается, здесь служит Филин, тот самый, «свинья везде грязи найдет!». Он говорит, что, служа здесь, ничего подобного не видел. Весь Поставский полк прошел над стартом на тридцати метрах бандами по шесть-двенадцать самолетов с последующим роспуском и посадкой через полминуты друг за другом. Для местных это – просто фантастика.

Обед – бегом, и постановка задачи «обратно». На подготовку времени совсем нет, но и готовиться особо нечего – тот же «Салдус», тот же маршрут, только в обратном направлении.

– Группы те же? – спрашивает Анатолий Василич Чесно-кова.

– Нет! На хрен нам такая доразведка! Вы с Елиным пойдете шестой парой!

– Так для шести пар надо маневр для захода на стрельбу по новой считать!..
– Некогда уже. Взлетим – разберемся!

Эскадрилья выходит на полигон, сходу бомбит и распускается на пары для стрельбы из пушек. Низкой облачности нет, но есть сильнейшая дымка. Видимость ухудшилась километров до двух. Пары, поочередно заходя на цель и не видя ее, затягивают ввод в пикирование, следующей паре

тоже приходится затягивать – и вот уже все начинают заходить не с расчетных курсов, а как получится. На конце этой «колбасы» болтаются Федоров с Борей – их и в расчете-то нет…

Кто-то в середине колбасы потерял впереди идущую пару,
доложил об этом и всех, кто еще не отстрелялся, «эшелонируют» – каждой паре выделяют отдельную высоту, чтобы не по-сталкивались.

Разойдясь на разные высоты и потеряв друг друга из виду, ведущие пар устраивают в эфире базар:
– Такой-то такой-то, ты где?
– Отстрелял, на выводе…
– А такой-то такой-то где?
– На боевом!
– А я где?

– Сто один, подхожу восьмеркой на триста метров, – это Ильич, комэск первой, привел своих, – ну и шумно тут у вас…

Всем чесноковским срочно дают уход, не успела отработать только пара Федорова. Анатолий Василич снижается и вдруг видит цель – очень удобно для захода, правда, не левым разворотом, как обычно, а правым.
– Разрешите работу! – кричит он РП полигона.
– Сто один, сколько до сброса?
– Полторы минуты…
– Разрешаю работу!

Федоров вводит в пикирование правым разворотом, Боря при таком вводе, находясь справа, видит только самолет ведущего и небо. Ведущий быстро убирает крен и стреляет, Боря тоже.
– Огонь!
– Запрещаю!
– Поздно… Вывод, уход, посмотреть на землю Боре было некогда…
В эфире становится спокойней:
– Что-то очочко побаливает…
– Устало, наверное… – это уже мастера из первой.

После посадки в Поставах на самолетах Федорова и Елина зачем-то опечатывают ТЭСТЭРы – «черные ящики» и магнитофоны. Боря бежит к ведущему:
– Анатолий Василич, что такое?..
– Ты из пушки стрелял?
– Да.
– А куда стрелял, видел?
– Нет…
– Вот, смотри, – Федоров достает из кармана план полигона, – ты стрелял вот по этой мишени, запомнил? Тебя будут пытать, но ты тверди, как попка: «Я стрелял вот по этой мишени и в момент стрельбы отлично ее видел!». Понял?
– Да это-то ясно. А куда в самом деле стреляли-то?
– Туда и стреляли… Кажется…
К ним подходит Чесноков:
– Куда это вы там пульнули?..
– Да нормально пульнули, а что случилось?

– Не знаю, но Гапонов приказал все у вас опечатать, а самих пытать: «Куда стреляли?». Елин, колись, куда стрелял?
– Вот по этой мишени, – показал Боря.
– Да ты, поди, ничего там и не видел?..
– Все отлично видел, вот по этой мишени…
– Молодец, будут пытать – вот так и отвечай!

Гапонов тоже сразу набросился на Елина, понимая, что Федоров, если что и не так, ни за что не сознается, а Боря – слабое звено:
– Елин, ты куда стрелял из пушки?
– По мишени номер 21!
– Да что случилось-то? – встрял Анатолий Василич.

– Не знаю, но генерал, который присутствовал на полигоне, позвонил и приказал вас пытать, готовить к расстрелу и вычесть у вас из зарплаты – только я не понял, за что… Елин, по какой же мишени ты стрелял?

– По двадцать первой!
– Да ты, поди, ее и не видел?..
– Отлично видел!

– Ну что ты врешь-то, ты же видел только ведущего, увидел – он стреляет, и сам пальнул куда попало, ведь так?

– Товарищ командир, я стрелял вот по двадцать первой мишени и отлично видел ее в момент стрельбы!
– Ну что ж, молодец, раз отлично видел…

Приезжает с полигона генерал и устраивает разбор учений – «отыскание виновных, наказание невиновных и награждение не участвовавших». Особо, конечно, отличилась пара Федорова: она зашла на цель с запрещенного курса, произвела стрельбу над жилым городком обеспечения полигона, и стреляные гильзы попадали прямо в городок. Гильза – трубка с килограмм-другой весом – при падении с нескольких сот метров запросто может убить, а их там упало шестьдесят штук. К счастью, никого не зацепило, но как раз во время стрельбы к солдатам в казарму привезли новый цветной телевизор. Его сгрузили с машины, а занести в казарму не успели – точно в кинескоп попала гильза…

В классе подготовки второй эскадрильи находился макет театра военных действий – огромный ящик, занимавший полкласса, на верхней поверхности которого была рельефная карта всей Германии с горами, реками и городами. Трудно представить, сколько сил и терпения потратил кто-то на создание этого пылесборника, хотя никакого практического назначения он не имел – не было случая, чтобы на нем проводились какие-нибудь занятия. Но Боря, осмотрев макет, понял, что вещь эта очень даже полезная. В дни подготовки к полетам он быстро заполнял свою тетрадку, залезал через дыру в задней стенке «в Германию» и дрых там до обеда на каких-то схемах, подложив под голову фуражку. Знали об этом только Валек, Пылюк и Вася Мамонов: Боря не удержался, чтобы не похвастаться перед ними своей новой выдумкой.

Как-то раз, когда он, как обычно, спал в Германии, в класс нагрянул главный штурман округа. Появлялся он всегда внезапно. У него был в распоряжении старенький Ил-28, и он на нем облетал время от времени полки и проверял штурманскую подготовку. Летчики видели его впервые, но были наслышаны о нем и его идиотских вопросах типа: «Часовой угол какой точки созвездия Овна называют «звездным временем?».

От команды «Товарищи офицеры!» Боря проснулся и стал слушать, что происходит. Старшим в классе оказался замко-мэск Бежев, он и доложил:

– Товарищ генерал, вторая эскадрилья занимается подготовкой к полетам.
– Где командир эскадрильи?
– В штабе. Разрешите, я его позову?..
– Конечно!
Бежа поспешно вышел.

- Кто у вас отвечает за карты?
- Лейтенант Елин.
- Где он?

- В штабе, разрешите, я его позову? - нашелся Пылюк и с разрешения генерала исчез за дверью.

- Кто у вас отвечает за штурманскую подготовку эскадри льи?

- Майор Федоров, - ответил Вася Мамонов. - Он в штур манской службе, разрешите за ним сходить?
Вася тоже слинял.

- А пока они ходят, мы займемся вот чем: кто из вас выйдет к доске и объяснит мне принцип действия логарифмической линейки? Причем сделать это надо лаконично, одной простой и понятной каждому необразованному человеку фразой..

«Полный идиот, - подумал Боря, - скорее звездное время в созвездии Овна повернется вспять, нежели он увидит снова кого-нибудь из этих троих или, еще лучше, кто-то из наших расскажет ему хоть что-то про логарифмическую линейку , пусть даже сбивчиво и длинно...».

- Вот, начнем с вас, - он указал на Реву.

- Товарищ генерал, а зачем летчику это знать? - попытался тот добиться справедливости...

- Сынок! Ты еще каплей на конце висел, когда я уже на Ил 28 летал! Так что не умничай и рассказывай принцип действия!

...Истязание логарифмами продолжалось с час. Генерал был в ярости - никто и понятия о них не имел. Бежа, Пылюк и Вася испарились, а вместе с ними и надежда увидеть комэска, штурмана эскадрильи и полетные карты. Еще двое были по сланы на их розыски, но тоже пропали... Безысходность ситу ации он уже понял: скоро обед, отменить который ему не по чину, а если оставшиеся в классе из него выйдут, то тоже, ви димо, исчезнут... А скоро улетать...

О том, что взлететь ему надо не позже, чем через час, знал уже весь полк. Командование полка выяснило, что до Постав это чудо успело побывать в Лиде. Получаем: час подготовки к по летам, плюс полчаса от Минска до Лиды, полтора часа в Лиде - минимум, почти час до Постав, и уже час он, мягко говоря, мучает вторую эскадрилью. Летная смена, согласно НПП, не должна превышать семи часов. От Постав до Минска – сорок минут… Итого: если через час не взлетит, останется ночевать, а на это заявки не было…

В общем, генералу ничего не оставалось, как, в очередной раз глянув на часы и сказав, что Иван Сусанин дал бы нашим орлам по навигации сто очков вперед, а также пообещав нажаловаться командующему, идти к своему Ил-28. Впрочем, командование полка, прятавшееся от него в высотке, подсуетилось: ему подали автобус, чтобы, не дай бог, не опоздал…

Как только генерал вышел из класса, в изнасилованную эскадрилью набежали комэски и замкомэски, прятавшиеся в соседних классах, и началось веселье:

– Отправил Бежу искать Чеснокова, а азимут и подлетное время не сказал…

– Так я бы без азимута нашел, но логарифмическую линейку в портфеле забыл, а вернуться постеснялся…

– Ну, а эти-то хороши: одной лаконичной фразой не смогли…

– Ха-ха-ха…

– Хорош ржать, все на обед!

Услышав долгожданную команду, народ застучал стульями. Боря, который все это время мучительно думал, как бы это незаметно вылезти из Германии, решил, что лучшего момента ждать нечего – когда все уходят на обед, то класс обычно закрывают. Он, шурша схемами и гремя головой о стены и потолок ящика, ломанулся к дыре в задней стенке, пролез в нее и, резко встав на ноги, огляделся: никто не видел его внезапного появления. Теперь надо было быстро продвинуться к выходу, чтобы выйти из класса не последним и не обратить на себя внимания, но он успел сделать только два шага, его заметил Бежа:

– Елин, а ты где был?..

Все обернулись и посмотрели на Борю, который словно упал с неба… Он не далеко успел убежать от дыры в ящике…

– Так ты это… что ли там…в ящике?.. Что ты там делал?.. В ящике?.. – пролежни на щеке и ухе не оставляли сомнений. – Ты там…спал?!

На контроле готовности его отстранили от полетов за то, что он не смог объяснить принцип действия логарифмической линейки…

Приехала бригада из Звездного во главе с Поповичем – очередной набор в отряд космонавтов. Попович выступил перед летчиками, рассказал, что набирают только лучших: летчиков первого класса, с ничем не подмоченной репутацией, некурящих, членов КПСС и так далее . Кто пройдет предварительный отбор сейчас, поедет на медкомиссию в Звездный, после нее – во Владимировку, в школу летчиков-испытателей. Там за год получит "летчика-испытателя третьего класса", а дальше – подготовка к полетам на "Буране".

Предложив желающим записываться в космонавты подходить в высотку и ответив отрицательно на десяток вопросов типа: "А правду говорят, что Савицкую возили в космос делать детей?"; "Выпивают ли в космосе?" и тому подобных, Попович ушел.

Все принялись обсуждать перспективы, но старик Безнос, которому давным-давно довелось уже встречаться с такой бригадой, объяснил, что окончиться эта "запись в космонавты" может совсем по-другому. Медкомиссия в Звездном – это означает "в Центральном Научно-Исследовательском Авиационном Госпитале", а там обычно у кандидатов в космонавты находят такое количество болезней, что в результате и с летной-то работы снимают...

Тут в класс зашел Гарик. Почему-то до сих пор про него никто не вспомнил, а ведь он уже несколько лет заваливал Влади-мировку письмами и даже ездил туда поступать, но безуспешно. Все стали ему орать, что вот в этот самый момент у нас в высотке происходит набор кандидатов во Владимировку. Га-рик умчался…

Вернулся он минут через пять, убитый горем – не приняли.

...Открыв дверь приемной комиссии, Гарик улыбнулся во весь рот своей сияющей улыбкой:

– Здрасьте! – все передние зубы у него были золотые...

– Вы в космонавты?

– Да!

– Тогда до свидания!

Оказалось, чтобы стать космонавтом, надо иметь не более четырех больных зубов, причем больным считается зуб не только дырявый, но и запломбированный тоже, и золотой...

Перед окончанием рабочего дня всех снова собрал Попович:

– Что, из шестидесяти краснозвездных соколов только один!.. И тот беззубый!..

Соколы поделились с ним своими опасениями по поводу медкомиссии в ЦНИАГе

– Не бойтесь ЦНИАГа! В этот раз все по-другому! Сперва будет медкомиссия в Звездном, она не имеет отношения к авиации, и если даже вам поставят там диагноз "смерть", вы как ни в чем не бывало возвращаетесь в родной полк и продолжаете летать! А если пройдете в Звездном, только тогда уж, ничего не поделаешь, в ЦНИАГ...

На вопрос "Почему не берут беззубых?" он ответил:

– У человека, как известно, два круга кровообращения: верхний короткий и нижний длинный... На земле эта система сбалансирована силой тяжести и работает нормально: вверх кровь подавать тяжело, поэтому и круг мал, а вниз – само течет... В невесомости кровь, как и положено глупой жидкости, устремляется по пути наименьшего сопротивления – через мозг... Это и есть самая главная неприятность невесомости – постоянное "тумканье" в голову! Каждый зуб имеет свой кровеносный сосуд. Чем меньше зубов - тем меньше крови идет через зубы и, соответственно, больше через мозг...

Вечером на пьянку в гаражах попали и три испытателя из Поповичевой бригады. С каждой очередной стопкой их лица становились все проще, и в конце концов они, напившись, орали, зная, что начальство их не слышит:

– У вас плохие самолеты, потому что испытываем их мы!.. Я сажусь на очередное дерьмо нашего КБ, причем в том, что это дерьмо, никто не сомневается, и испытываю его. Если я позволю себе просто указать на небольшие неудобства в работе с арматурой, с каким-нибудь вонючим прибором, меня немедленно выкинут как непатриота фирмы!..

– Я завидую вам: вы можете на автобусной остановке сказать: мой самолет – говно, командир – сволочь...

– Да ты им самое главное, главное самое скажи!.. Вот вы... Вы пьете… Вот в гараже! А мы... Мы вообще не пьем!.. Не с кем нам пить!...

– А пойдете в космонавты, так и друзей вам назначать будут!..

На следующий день в приемную комиссию, кроме Гарика, приходившего туда по нескольку раз в час и пытавшегося доказать, что зубы в человеке не главное, пришел еще и Витя Бойчук, замполит первой. Прошел стоматолога, единственного врача в комиссии, и "изъявил желание"...

– Зачем? – спрашивал его потом Вакул. – Ведь у тебя документы в академию оформлены!

– Зачем, зачем… Поеду сперва в Звездный!.. Может, поступлю!.. Хотя, понятно, не поступлю... но пока поступаю, может, там зацеплюсь!.. Кем-нибудь!..

– Кем?

– Да хоть дворником!.. Ну, а не получится – поеду в академию поступать!..

Перед обедом снова пришел Попович и сказал, что руководство приняло беспрецедентное решение: допустить к набору и со вторым, и даже с третьим классом, правда, с третьим разрешили

только Андрюхе Балуеву и Моше – они дальше других продвинулись по программе.

– Конечно, у каждого своя голова, – взял слово Вакул, когда Попович ушел, – но все же не связывайтесь с этим! Особенно вы, – он указал на Андрюху и Моню, – никого из вас туда не возьмут, поверьте мне, и не в зубах дело! А пока туда ездите – месяц, два, другие вас уже догнали... А вы приехали, штанишки ваши где? Спали штанишки! Пока восстановитесь – уже и Елин вас обогнал, и Пылюк...

Закончилась космическая история так: кроме Бойчука, записались еще Кислый и Андрюха Балуев, но Кислому предстояло ехать в Германию, и жена сказала, что не поедут они туда только через ее труп.

Бойчука отсеяли на медкомиссии в Звездном, в академию тоже не взяли, спросив на экзамене: "Какого цвета электричка, на которой ты сюда приехал и уедешь обратно?"…

С Андрюхой же все получилось, как и предсказывал Вакул: врачи мурыжили его два месяца, чего-то нашли и отправили обратно в Поставы.

Раз Боря с Андрюхой обошли все поставские магазины в поисках пива. Не нашли. Грустно брели на остановку и думали о том, что пиво, особенно Глубокского пивзавода, никак не стоит потраченных ими сил. Вдруг Борю осенило:
– Андрюха, давай машину купим!
– Как?

– Ну, покопим деньги какое-то время... Я пить не буду... Старенькую какую-нибудь!..

Андрюха долго не соглашался – во-первых, нелегко было представить себе непьющего Елина, а во-вторых, свежи еще были воспоминания о горбатом " Запоре", который купил Пылюк.

...Купил он его за пятьсот рублей, сказал бывшему хозяину, что документы оформит потом, и вместе с Борей, Андрюхой и Ревой поехал купаться в Озерки.

"Запор" так сильно грелся, что приходилось постоянно останавливаться и ждать, пока он остынет. Когда в очередной раз Игорек начал тормозить, терпение Бори лопнуло:

– Да поехали дальше, что с ним сделается, он ведь железный!

...Ехали до тех пор, пока из щелей обдува лобового стекла не повалил густой дым – загорелись промасленные тряпки, наваленные в изобилии вокруг мотора.

Пожар быстро погасили, закидав тряпки вместе с мотором землей, и решили поберечь все-таки машину, ехать обратно. Но "терпенью машины бывает предел" – мотор заклинило. Уже глубокой ночью они дотолкали машину до Постав и определили на постой сторожу в каком-то автохозяйстве, где он и стоял уже который месяц, растаскиваемый на запчасти.

...Ночью Боря почти не спал, так как его опять осенило. Едва дождавшись утра, он прибежал к Андрюхе и стал его будить:
– Вставай скорей, на работу пора, на автобус опоздаешь!
– Ты че, Боря?

– Слушай, я что подумал: пока мы будем копить, у нас не будет ни денег, ни машины! Давай возьмем в долг да и купим!

В тот же день насобирали по гостинице три тысячи, а назавтра нашлась и машина – "Москвич", хозяина которого лишили недавно прав за пьянку, и которому в ближайшее время он был не нужен... Неделя ушла на переоформление и ремонт, и вот, наконец, Боря на построении объявил: "Шмяк боего-тов!". С машиной этой, уже успевшей получить имя "Шмяк говяжий" за помятость бортов, связывали большие надежды: она была единственной в полку "холостяцкой" машиной, всегда готовой ехать туда, куда надо коллективу, а не жене хозяина. Вася тут же предложил поехать сдать бутылки. Была суббота, день ИБД, и Вася уговорил комэска отпустить его для доставки домой только что купленного им шкафа, и еще себе в помощь – Елина и Балуева… Шкаф он не придумал. Купил он его с рук в соседнем доме, друзья быстренько перетащили его к Васе, напевая: "Когда мы были молодыми и чушь прекрасную несли", и пошли в гараж.

Машина – отличная вещь: к обеду они успели сдать Васины бутылки, пропить вырученные деньги, снова сдать бутылки и опять пропить. Тут к ним в гараж пришел Рева и тоже предложил

сдать стеклотару. Поехали снова, но в приемном пункте кончились ящики.

– А поехали в Литву! – Сообразил Вася. – Там ящики никогда не кончаются!

Рева ехать отказался: дела, но не стал возражать против того, что бутылки сдадут без него. Вася, Боря и Андрюха за рулем поехали в Адутишкис – на границу с Литвой, кривые настолько, что потом без помощи Ревы не смогли даже вспомнить, куда и зачем ехали.

Пассажиры вырубились сразу, водила продержался несколько километров и тоже уснул. "Москвич" слетел с дороги, налету срубил березу, упал в болото, протащился по нему метров тридцать и завяз.

Первым, часа через четыре, проснулся Вася, растолкал Борю. Вместе стали будить Андрюху, но безуспешно. Ясно было, что без помощи троса и грузовика на дорогу не выбраться, но так как дорога эта довольно пустынна и ожидать помощи, возможно, придется очень долго, они стали заготавливать ветки, чтоб подсунуть под колеса. Услышав шум едущей вдалеке машины, Боря, спотыкаясь, выбежал на дорогу и, радостно качаясь, поднял руку, увидев выехавший из-за поворота родной полковой автобус. По мере его приближения становилось ясно, что он полон народу: это из Лиды с партактива возвращались замполиты и всевозможные секретари, всего человек тридцать... Из остановившегося перед Борей автобуса вышел замполит полка:

– Елин, да вы, кажется, пьяны?

– Проезжайте! – зло сказал Боря, опустив, наконец, руку.

– Полезайте в автобус! – скомандовал замполит.

Туда же он отправил и Васю, а партактивистов загнал в болото и заставил выталкивать "Москвича" на дорогу, что и было сделано. Все еще спавшего за рулем Андрюху перенесли на пассажирское сиденье, на его место посадили трезвого водителя и доставили машину в гараж.

На следующий день в гараж, где на помятом о березу капоте похмелялись все три специалиста по стеклотаре, заглянул Га-понов:

– Балуев! Завтра ко мне в кабинет с правами: изымаю на правах общественного инспектора, все, как положено, с составлением протокола...

– Так протокол на месте положено составлять, – вклинился Боря, – а вас там, кажется, не было!

– Елин, автомобиль на тебя оформлен?

– Да.

– Завтра ко мне с ключами – изымаю! А машину немедленно продать! Когда продашь машину?

– Когда Мамонов денег на нее накопит!

– Елин, не нарывайся! Или летать не хочешь? А тебе, Мамонов, теперь мотоцикл "Урал" надо покупать, едешь в край монголий...

Конечно, отправка в Монголию никогда не считалась наказанием: пусть там несносный климат и заняться, кроме пьянства, вовсе нечем, но там, как и в любой другой заграница, шла двойная получка: одна – там, в тугриках, а другая – в Союзе, на книжку... Витек Зубков, убежденный холостяк, немедленно женился, узнав, что едет туда, причем на первой попавшейся, так как холостяк мог служить за границей три года, а женатик – пять. Кроме того, отбывая в Монголию, можно было провернуть дельце с мотоциклом...

Надо было купить новый "Урал" с коляской, загнать его в железнодорожный контейнер и завалить мебелью и барахлом. Чтобы таможенники не рылись, сразу за дверью контейнера ставилась бутылка водки и палка копченой колбасы.

В Монголии этот мотоцикл, очень почитаемый аборигенами, надо было обменять на дешевые там ковры и дубленки, привезти все это в Союз и продать. Денег должно было хватить на машину.

Права Андрей не отдал: "Потерял"; ключи от машины Боря отдал, но совсем другие, а Вася в Монголию так и не поехал, впрочем, как и женившийся Витек.

Но этот залет с управлением транспортным средством в состоянии опьянения и незаконной рубкой леса еще целый год был самым громким залетом в их шесть раз орденоносной дивизии. Целый год еще на всех собраниях, в том месте, где докладчик, делая скорбное лицо, докладывал спящим слушателям: "Но не все укрепляли за истекший период боеготовность и воинскую дисциплину, выполняли наипервейшие задачи, поставленные командованием, партией и руководством... " всем троим приходилось вставать и в который раз слушать о своем подвиге.

В госпитале в одну палату с Борей, куда тот приехал на медкомиссию, поселили капитана Леху с

"Аваксов" – советских их аналогов на базе Ил-76. Леха был балагур и пьяница, может, даже алкоголик. Не мудрено: "Аваксы" жутко спиртоносны. "Он", конечно же, чистейший, идет там на охлаждение круглой, четырех метров в диаметре, антенны. Не идет – льется, как бензин из бензоколонки...

– Работа тяжелая, – рассказывал Леха. – После каждой смены две полных двадцатилитровки спирта приходится домой тащить. Дома его уже девать некуда, но все равно прешь – валюта!.. А жена, дура, не понимает... Недавно пробку в ванной выдернула, так целой ванны спирта как не бывало – помыться ей, гадюке, было негде...

В летном отделении, где лежат только тяжело здоровые люди, и так обычно не скучно, а с прибытием Лехи, который с утра до вечера веселил окружающих рассказами об армейской действительности, стало просто весело. Он был очень талантливым рассказчиком – палата ржала не переставая. Вот одна из его историй:

Есть в Забайкалье такой аэродром – Воздвиженка…

Богом забытое место, цивилизация далеко, зимой топят так плохо, что бедные военные живут на кухнях с буржуйками, а остальная часть квартир замерзает до весны. Спирт на Ту-16 льется рекой, кажется, им там тормоза охлаждают, поэтому мужики спиваются, а жены бегут подальше от своих алкашей и от Забайкалья.

Новый комдив, приехав туда для ознакомления с одним из вверенных ему полков, был более всего недоволен Воздвиженским штабом – старый деревянный дом, все в нем скрипит и отваливается, пакля, отковырянная птичками, торчит отовсюду, крыша местами протекает, и из-за этого в помещениях сыро и пахнет гнилью. Отопление печное – дневальный круглосуточно рубит и подбрасывает дрова.

– Да здесь у вас все сгорит! – сказал он на прощанье и уехал…

И точно. Через пару дней в штабе – пожар.

Пожарная машина не приехала. Вообще, пожарные машины в авиации практически всегда оказываются бесполезными. Стоит чему-нибудь загореться – и они, как правило, перестают заводиться. Или машина стоит в закрытом боксе, а ключ потерялся, или еще тысяча самых нелепых причин, но пожарная машина, успевшая на пожар, – дело небывалое. Причем, если она все-таки приехала, то еще неизвестно, хорошо это или плохо. Был случай, когда пожарники подоспели вовремя и начали тушить, но в цистерне вместо воды оказался керосин, который закачал туда прапор-пожарник, намереваясь вывезти из части и продать.

Впрочем, это не удивительно – должность начальника пожарной охраны всегда была в авиации «последней». Когда офицер спивается, то постепенно, в течение нескольких лет, опускается в звании до младшего лейтенанта и в должности – до командира взвода. Опускаться дальше некуда, и ему говорят: « Все, еще один залет – и точно выгоним!». Но это неправда...

Перед тем, как выгнать из армии, его непременно назначат начальником пожарной охраны. Так как алкашей много, то, когда его все–таки выгонят после очередного запоя, на его место придет очередной младший лейтенант…

Пожар случился вечером. Прибывший начальник штаба успел уже принять после рабочего дня приличную дозу, как и все остальные, участвовавшие в тушении. Он что было силы заорал:

– Спасайте знамя!

– Уже спасли, – доложили ему.

– Тогда спасайте секретку!

Секретные сейфы тоже были в безопасности, их выбросили на улицу из окна второго этажа, придавив слегка штурмана полка.

Начальник штаба успокоился: все остальное пусть догорает… И вдруг вспомнил: в его кабинете в несгораемом сейфе он оставил партбилет! Ни секунды не медля, он рванул в огонь, пробился в кабинет, уже объятый пламенем, и выбросил из окна сейф, который успел местами раскалился докрасна. Сам выпрыгнул следом, одежда на нем слегка дымилась. Не дожидаясь, пока сейф остынет, он его открыл… Несгораемый сейф является несгораемым потому, что он герметичен, там нет кислорода. Свежий воздух попал внутрь и партбилет на глазах у владельца вспыхнул и превратился в пепел…

Штаб сгорел дотла. Понимая, что карьера на этом закончена, начальник штаба целыми днями пьяный и веселый ходил по городку, крутя на пальце ключи от сгоревшего штаба.

Командир полка, напротив, был хмур, его дальнейшая судьба пока была не ясной. Начштаба подтрунивал над ним:

– Тебе-то хорошо, тебя выгонят с правом ношения формы, а вот меня, похоже, без…

В это время в другой полк этой же дивизии прибыл перспективный капитан на должность заместителя начальника штаба. Его и назначили новым начальником в Воздвиженку. Он сперва обрадовался – такой рост ему и не снился, но потом, узнав, что такое эта Воздвиженка, что и штаба-то там никакого нет, пришел к комдиву:
– Товарищ командир, я туда не поеду!..

Комдив помолчал с полминуты, грустно глядя на него, а потом спросил:
– Сынок, скажи честно, ты пьешь?
– Да я… Да я не пью, я хуярю!
– Вот и езжай туда, там все хуярят!..

Пьянка!..

За годы службы в авиации Боре встретился только один трезвенник. Когда Серега Трахов сказал в кабаке: «Совсем не пью!», он спросил у Лехи Шаборина, его однокашника: «Он что, болеет?». «Да, – ответил Леха. – Выпьет чего-нибудь, хоть пива, и лунатит ночью…Ему как про это рассказали – он пить-то и бросил…»

Серега этот был единственным встреченным Борей исключением из самого главного авиационного закона: «Кто хорошо пьет – хорошо и летает!..»

Приезд Трахова с однокашниками в Поставы серьезно омолодил полк: молодежь заняла все места в третьей и второй эскадрильях, а Борин «замес» оптом перевели в первую – «эскадрилью мастеров»!..
Они – «мастера»!.. Повода серьезней и придумать нельзя!..

Покумекав между собой, сообразили: обмыть это дело надо всей эскадрильей. Подошли к Карпиону, командиру второго звена:
– Игорь, у нас к тебе конфиденциальный разговор!..
– Ну, конфиденцируйте…
– Мы хотим… э-э-э…как это… обмыть … э-э-э…

– Ваш переход в первую и не знаете, как культурно, ненавязчиво пригласить на пьянку комэска, замкомэсков и командиров звеньев?
– Да!..
– Нет ничего проще! Сколько денег?
– Сто пятьдесят.

– Это мало. Сейчас мы добавим, возьмете автобус и поедете на базу, купите ящика два, а лучше три – этого хватит…
– На базу?.. На какую?..

– На городскую… А вы что, все еще самогоном травитесь? Скажете – от Еремы… Девки выдадут вам водки, а вы скажите, что Ерема отработает… А можете и сами …Хотя Ерема надежней!..

При виде полкового автобуса ворота центральной базы открылись. Девки, услышав имя «Ерема», продали им водки на все деньги (на дворе стоял сухой закон – 85-й). Затаренный автобус подошел к «холостяцкой» квартире.

Холостяцкая – обычная двухкомнатная, живут в ней три холостяка, обычно самые «старые» в полку. Давным-давно какой-то летчик, имени которого уже никто не помнит, жил в этой квартире со своей женой и развелся… И стал себе жить один в двухкомнатной квартире…

Начальство сказало: «Вот тебе койка в гостинице – и освободи жилплощадь!» А ему здесь нравилось, он ответил: «Фигу, я тут прописан!» «Ладно, живи, – ответило начальство, – но как только придет замена куда-нибудь – ты первый и поедешь… В Джангиз-Тобе!..» А пока замена не пришла, чтоб жилплощадь не пропадала, подселили к нему еще двух холостяков.

Квартира стала холостяцкой. Когда кто-нибудь из ее жите
лей уезжал по замене или женился, на его место тут же прихо
дил следующий… Здесь и происходили все большие пьянки. В
туалете стоял расколотый когда-то Бурвилевой головой уни
таз, в меньшей комнате – главная полковая кровать. Поставс-
кие девчонки не оставались никогда в офицерской общаге –
это в их понимании было слишком низким падением, – по
этому холостяки, живущие в гостинице, иногда просили счас
тливого обладателя главной полковой переночевать в гостинице. Не откликнуться на такую просьбу товарища тоже означало низко пасть...

Из Бориного года выпуска в холостяцкой тогда жил Валек, хотя ему это было «не по чину»:

были в полку холостяки и постарше. Он, когда приехал в Поставы, был женат, получил однокомнатную, но жена не приехала с ним в Поставы, жила у родителей. Один раз она наведывалась к Вальку в гости, всего на пару дней, но ей «посчастливилось» стать участницей занимательной истории…

У Валька сломался телевизор, взятый напрокат. И вот они на пару с женой повезли его в пункт проката. Затащили в автобус, пробили абонементы, поехали. В этот же автобус сел и Пылюк, направляясь в город, устроился на заднем сиденье. Абонементов для оплаты проезда у него не было никогда – из принципа. На следующей остановке в переднюю дверь зашел контролер. Пылюк его прекрасно видел, но спасаться бегством в заднюю, еще открытую, не стал: «Прорвемся!». Валек с супругой сообразили, что билеты-то куплены только на них, а телевизор едет без билета, и Валек встал и прокомпостировал еще один талон.

– Остановитесь, – громко сказала контролерша, – я видела, что вы пробили талон только что, а сели не на этой остановке, едете уже давно! Придется заплатить штраф – один рубль!

– Понимаете, – подчеркнуто вежливо сказал Валек, – мы с женой едем от шестого городка и прокомпостировали абонементы там же – вот они. А этот талон я пробил за телевизор, оплатить провоз багажа мы, к сожалению, забыли. Уж простите нам нашу забывчивость, пожалуйста!

– А почем я знаю, какие талоны вы пробивали там, а какие – тут?! Я видела, что вы едете давно, а пробили только что! Так что платите штраф! За себя, за жену и за телевизор – три рубля!

– Ну, вы же прекрасно видели, что этот талон я только что пробил, а эти два – вынул из кармана!
– Ничего я не видела, платите три рубля!
-Ты что, старая, издеваешься?! – встряла Валькова жена.
Все трое начали орать, уже не слыша друг друга.

– Езжай на площадь без остановок! – крикнула контролерша водителю.

На площади обычно дежурили один-два милиционера… Автобус приехал на площадь, остановился прямо возле милицейских и открыл переднюю дверь. Те, услышав ругань в салоне, вошли внутрь.
Пылюк встал с заднего сиденья и подошел к контролеру:

– Товарищ контролер! Я сел в автобус на одной остановке с ними и видел, как они пробивали абонементы…

– Конечно, видел… Вы же вместе служите! – она указала на их летные куртки.

– Какая разница, вместе мы служим или нет, если вы пытаетесь оштрафовать людей, которые оплатили проезд! Давайте тогда всех подряд штрафовать! Давайте, меня оштрафуйте! Я оплатил проезд – оштрафуйте меня!

– Так, товарищ, вы заплатили – и помалкивайте! – сказал ему милиционер. – И не мешайте работать!

– А вы мне рот не затыкайте! Скажите спасибо, что сейчас моя остановка, а то я бы этого так не оставил!..

Сказав это, безбилетный Пылюк вышел из автобуса: он уже и вправду доехал докуда надо.

Валька, его жену и телевизор потянули в отделение, воспитывали их там полтора часа и потом отпустили, а придя домой, Валек обнаружил, что потерял все документы – удостоверение, партбилет и деньги, рублей двести. Видимо, выронил в автобусе. Документы ему потом принес местный кол-дырь и вернул за десять рублей. Хорошо, что не знал тарифов: в Липецке, где они сдавали экзамены после переучивания на МиГ-27, орудовали три банды – «Торпеда», «Ракета» и «Луноход», которые под предлогом развлечься с девочками затаскивали лейтенантиков на квартиру и потом, стащив документы, требовали выкуп: за удостоверение – двести, а за партбилет – четыреста рублей.

Вскоре Валек неизвестно почему развелся (он не распространялся о своих семейных делах) и стал жить один в однокомнатной квартире.

«Освободи жилплощадь, а не то – в Джангиз-Тобе!..» – сказало начальство. Как раз в это время женился Пыха из холостяцкой, и они поменялись.

Кроме Валька, в ней жили Болт – главный поставский половой гигант – и Витек Зубков.

...Когда прибыл автобус с водкой, в холостяцкой было уже полно народу: хозяева квартиры, вся первая. Было и много народу из других эскадрилий: узнав, что первая засылает на базу автобус, многие сдали деньги, чтобы затариться впрок. Был и полковой доктор Верейко, которого, конечно же, все звали "Венерейко" – без него обходилась редкая пьянка.

Как-то раз на второй день чьей-то свадьбы невеста подвернула ногу. Ее усадили в кресло и стали звать доктора, который вместе с женой был приглашенным. Но жена его сказала, что сам Верейко пропал еще вчера и где он, она не знает.

– Тогда, может быть, вы за него окажете помощь? – предложил кто-то...

– Попробую, – сказала та, присела перед больной и взяла в руки подвернутую ступню. – Так больно? А так?... Ясно, вывих! Потерпите!

С этими словами докторша, мощных размеров женщина, с силой дернула ногу, невеста вскрикнула и потеряла сознание.

– Растяжение! – развела руками Верейко…

...Начали пить... Сперва правильные тосты во славу эскадрильи мастеров, потом воспоминания Федорова, который вместе с Вакулом оказался на Кабульском аэродроме в момент, когда брали дворец Амина. Когда началась стрельба, они прятались от пуль между складированных бомб... Потом ржали, вспоминая, как недавно два десятка летчиков передрались между собой в кафе "Волна", причем только старики. Из-за чего повздорили, никто потом так и не смог вспомнить, но махались долго и не шутя, до тех пор, пока Ерема, запущенный кем-то, не проломил головой пластиковую стену кафе и не повис безжизненно на шее в образовавшейся дыре...

Вот уже Рева дошел до кондиции:

– Мммммэээээээ...

Венерейко, попросив всех помолчать, начал приносить свои извинения Вальку: недавно Валек был начальником патруля по городу, скушал от скуки бутылку агдама и попался с запахом коменданту Постав. Тот снял его с наряда и отправил к нашему дежурному по полку. Дежурным как раз был Вася, он сказал:

– Иди к Венерейко, он напишет тебе справку, что ты трезвый – и всего делов!

Но доктор, сволочь, справки не дал, а на вопрос Гапонова: "Был ли Валек выпимши?" что-то неуверенно мямлил... В общем, Валек залетел, и теперь на весь их выпуск отправили документы на старлеев, а Вальковы тормознули.

...Снова о полетах... "Мммммэээээээ!". Опять Венерейко: "Валек, прости, я не такой.."

Потом Валек исчез. Все предположили, что его вынудил уйти доктор, достав своими извинениями, но Рева догадался, что тот пошел к Свете-писарше, которую Валек любил регулярно, а Рева тайно вожделел.

Рева тоже засобирался к Свете, сказав, что устал и идет в гостиницу. Так как он еле стоял на ногах, комэск выделил ему провожатого – Трактора. Трактор с Ревой ненавидели друг друга. Они жили вдвоем в одной комнате, будучи людьми абсолютно разными по характеру и темпераменту. Недавно Трактор, надев наушники с музыкой, гладил брюки, а Рева смотрел на это со своей койки вне себя от злости: Трактор вот уже десять минут неторопливо водил утюгом по брюкам...

– Трактор! – не выдержал наконец он.

Тот не слышал...

– Бульдозер! – заорал что было силы Рева, но и тут Трактор не откликнулся.

Рева пнул его ногой в зад. Тот медленно обернулся и снял наушники.

– Ты че, дурак, не видишь, – орал Рева, – у тебя же утюг в розетку не включен!!!

Трактор надел наушники, включил утюг и продолжил возить им по брюкам.

После этого они не разговаривали. Рева, спотыкаясь, по синусоиде шел к Свете, а Трактор, выполняя указание комэс-ка, следовал за ним чуть поодаль. Света жила с родителями в собственном доме недалеко от городка. Постучав, Рева ввалился в открытую Светой дверь и, не снимая ботинок, прошел в комнату, где обнаружил Валька. Трактор, которого никто никуда не гнал, тоже зашел и встал в коридоре – ему уже стало интересно...

– Ты че? – вытаращился на Реву Валек.

– А я в гости! – ответил тот, плюхаясь в кресло и ставя на стол бутылку водки.

– Рева, может, ты лучше пойдешь? Нажрался, так веди себя прилично!

– А ты-то че?.. Я ведь не к тебе пришел! А она меня не гонит! – он указал на Свету, которая осталась стоять в прихожей с открытым ртом.

Валек соскочил с места, схватил наглеца за грудки и рванул. Рева вылетел из кресла, но успел зацепиться руками и ногами за все, что было вокруг. Мебель с грохотом поехала за ним. На шум пришел Светин отец и выставил всех троих.

– Извините, что не наскандалил! – сказал Рева на прощанье и хотел поклониться, расставив руки

и шаркнув ногой, но не успел: Валек залепил ему в глаз.

Пока Рева со своим эскортом брел к гостинице, Валек уже пришел туда и завалился спать на свободную Борину койку: идти домой в холостяцкую не хотелось. Следом пришел и Боря с фонарем под глазом – расходясь с пьянки, они с Павловским немного побоксировали от нечего делать – и, обнаружив на своей кровати Валька, пошел и лег на Ревину. Когда Рева добрался домой, свободных мест уже не было, и он стал трясти Борю, за что тот, проснувшись, заехал ему под второй глаз.

Наутро комэск устроил разбор полетов. Три фингала – это не самые печальные последствия вчерашнего веселья. Светка Павловская, не дождавшись мужа с работы, стала обзванивать других жен и, собрав целый женсовет, пошла к Гапонову и угрожала ему, что если он не примет мер по прекращению пьянства в полку, то в следующий раз она соберет толпу жен побольше и обратится к комдиву...

– С этими, – обращаясь к старикам и обводя пальцем молодежь, подытожил Ильич, – больше не пить!

На случившийся вскоре Пылюков день рожденья были приглашены опять все, но пришли только однокашники.

Пьянка была уже в разгаре, когда в дверь тихонько постучался Ерема:

– Ильича нет?

– Нету, заходи!

Следом по одному подтянулись и остальные замы и командиры звеньев, а когда все были в сборе, прибыл и командир:

– Так и знал, что все здесь! Ну ладно, забыли! Наливай!

Каждый год в Белоруссии проходили большие танковые учения. Танкисты за неделю-другую проходили путь от Полоцка до Бобруйска, и на пути этом было несколько полигонов, на которых они и отрабатывали разные упражнения. Чтобы обстановка была «максимально приближенной к боевой», обычно присутствовала и авиация. Это называется «подыг-рыш наземным войскам» – надо прийти к ним на полигон и сделать несколько проходов над движущимися танками метрах на тридцати-пятидесяти, а потом чуть поодаль бросить бомбы и стрельнуть из пушки – чтобы никого не зацепить, но обязательно в поле зрения танкистов. Поскольку полеты происходят на малых высотах, положено иметь на полигоне руководителя полетов. И вот два подполковника – Ильич и Вакул – едут на "уазике" на Полоцкий полигон «Переправа» руководить полетами. Полдня они блудили по каким-то проселкам, вооружившись картой, но полигон найти не могли, и вдруг повстречали солдата-чурку, едущего на подводе с какими-то бачками.

– Эй, боец, где тут у вас полигон «переправа», в. ч. номер такой-то?

– Митили! – ответил боец и поехал дальше.

– Чего?! – не поняли подполковники.

– Митили, митили!

Чурка уехал, подполковники помолчали с полминуты, потом Ильич говорит:

– Поехали, догоним!

– Разворачивайся и митили за ним!

Подвода свернула в лес, уазик – за ней, и тут же оказался КПП с вывеской: «в. ч. номер такой-то». Боец подъехал к шлагбауму и заорал:

– Митили!

Шлагбаум открылся, пропустил подводу и закрылся. Ильич открыл форточку и тоже заорал что было силы:

– Митили!

Из КПП вышел удивленный прапор и попросил предъявить документы. После проверки сделал знак рукой, и шлагбаум открылся.

– Проезжайте…

– А что такое «митили»?..

– Мы – тылы! А вы думали – пароль?

– Нет, мы думали, у вас так на хуй посылают!

На следующий день Зубков на подыгрыше потерял бомбу...

Он со своим ведомым пришел на "переправу", сделал несколько проходов над

войсками и зашел на бомбометание, но цели, по которой надо было прицеливаться – огромного стога сена – не обнаружил. Может, не туда зашел, или стог растащили местные, а может, его и вовсе никогда не было... В общем, пока искал цель, уже пора выводить. Так и ушли, не сбросив.

После посадки оказалось, что бомбы на Зубковском самолете нет... Расшифровали ТЭСТЕР – летчик боевую кнопку не нажимал... Такое редко, но случается, бомбы и подвесные баки падают сами собой и никто потом не может объяснить причину, а бомба в этот раз была нешуточная – двухсотпяти-десятка...

Позвонили танкисты из Полоцка: "Ваши орлы разбомбили хозяйство у колхозника". Узнав, где находится разбомбленное хозяйство, туда послали Ильича и Вакула: "Заминайте, как хотите!.."

Те, взяв с собой весь спирт, который они припасли для себя, приехали по указанному адресу...

Бомба упала в хлев и не взорвалась, но корову все-таки убила... Хозяин, дед, переживший войну, увидев такое дело, сбегал доложить об этом в сельсовет и занял оборону со своей берданкой. Увидев двух советских подполковников, он просиял:

– Так это вы уронили?!.. А я уж было подумал: "Опять немцы!.."

Отдав деду всю наличность – и спирт, и деньги, дело замяли.

Танкисты на этих учениях тоже отличились. Так как дело было зимой, а на полигоне "Переправа" положено отрабатывать преодоление водной преграды, командующий учениями приказал убрать лед с того места Немана, где пойдут танки. Принесли бензопилу, воткнули в лед. "Бздынь!" – сказала бензопила... Тогда принесли обычную, двуручную, к одному концу привязали гирю, запустили ее под лед и таким орудием перепилили реку поперек, да еще в двух местах. Лед убрали, и получилась чистая река, но первый же поползший по дну танк заглох на середине, экипаж его покинул и затопил... Остальные форсировали Неман в другом месте... По льду...

Приехав с этих учений, Ильич задал своей эскадрилье вопрос:
– Кто скажет, что самое главное в танке?

– Ну, что, никто не догадается? Рева!
– Откуда я знаю... Ну, пушка!
– Нет!
– Гусеницы!
– Нет! Боря!
– Броня!
– Нет, товарищи! Главное в танке – не пердеть!

Несмотря на прочно закрепившуюся за ним раздолбайскую репутацию, Боря на хорошем счету у начальства как летчик. Он ведомый у командира звена Валеры Ведеркина, вторая пара у них: Мамонов - Мандруков. Звено Ведеркина на целую зиму осталось единственным в полку боеготовым штатным звеном, хотя особой заслуги их в этом не было: просто остальные звенья, тоже недавно сформированные, не успели до середины осени сделать зачетный полет на слетанность, для которого нужны простые метеоусловия. А осенью Белоруссию затянуло облаками. До мая, как обычно.

Звену пришлось постоянно летать на всевозможные по-дыгрыши, отдуваясь за весь полк, и Боре это нравилось: такие полеты гораздо интересней обычных. В то время, когда полк занимается подготовкой к полетам или ИБД, они получают отдельную задачу: "пойти туда-то и разбомбить то-то", готовятся и летают, не утруждая себя красочным оформлением ненавистной документации и ответами на дурацкие вопросы на контроле готовности, которые, как правило, к предстоящим полетам не имеют отношения. У них свой распорядок: в ожидании подходящей погоды торчат в высотке, смотрят телевизор, играют в шахматы и карты или просто спят.

Очередной подыгрыш. Танки и пехота почти целую неделю воюют на полигонах, а Ведеркин и компания не могут сходить погудеть над ними из-за низкой облачности. Так как обстановка все время меняется, звено через каждые несколько часов получает новое задание, снова готовится и опять ждет. После шестого дня летчики, так и не слетав, собираются по домам и Валера, понимая, что Елин из-за подыгрыша уже несколько дней не употреблял и терпение его на пределе, говорит ему:
– Боря! Никаких баров! Не вздумай вечером нажраться!

На следующее утро Боря не пришел на завтрак. Валера обнаружил его в высотке, спящим на лавке, храпящим и воняющим перегаром на всю раздевалку. Решили его не будить: "Что толку?.." Через час пришло новое задание и вскоре - команда "по самолетам".

Стоило ненадолго зажать Боре нос, как тот проснулся, сел и посмотрел мутным взглядом на Ведеркина: видимо, пить он прекратил совсем недавно и похмелье еще не пришло...

– Боря! Я же тебя просил, как человека!.. Свинья!

– Да ладно!.. Все равно погоды не будет!

– Погода есть, взлет через полчаса... Но Венерейкина-то ты не пройдешь...

– Прошел уже!

– Как?!

– Так! Задача вчерашняя?

– Задача?.. - задумался Валера.

Не мог он сделать то, что был обязан: отстранить Елина от полетов. За пьянку перед полетами Борю точно сняли бы с летной работы, а Валера полюбил уже этого гада, из-за которого сам частенько получал выговоры. Боря вызывающе плохо заполнял полетную документацию, просыпал на построения, вечно везде опаздывал, хамил начальству, но при этом был беспроблемным ведомым. Валера уже отвык думать в полете о "создании ведомому условий для выполнения маневра": Боря выкрутится...

А сколько выпито вместе... А как Елин, сам чуть живой нес его, мертвецки пьяного домой, а когда донес, то Таня, жена, надавала им обоим гладильной доской... Никак не мог...

-Задача новая. На! - он протянул Боре карту, подготовленную для него Васей Мамоновым, - Если хоть что-нибудь на самолете не в порядке - не выруливай, ладно?!

-Ладно! - Елин достал из шкафа амуницию и пошел умыться.

По пути на стоянку Боря попытался изучить карту, но в голову ничего не лезло. Полет в таком состоянии предстоял ему впервые. До этого был случай, когда вся первая эскадрилья, застигнутая тревогой за столом, сделала ночной вылет всем составом на родной полигон, но он не участвовал: был в отпуске. В училище на втором курсе тоже случились однажды пьяные полеты. После окончания всеми программы, зачем-то назначили еще одну, никому уже не нужную летную смену. За день до этого с утра сели за подготовку, а в обед всех отправили на картошку, сказав, что полетов завтра не будет. На картошке, конечно, все перепились. А полеты состоялись. Самостоятельных полетов курсантам в тот день вообще не планировали и инструкторы, уговорив доктора никого не отстранять, возили их вместо опохмелки на сложный пилотаж. Елин был на КП наблюдающим за шасси и не летал, но те, кто слетали тогда, сказали, что больше ни за что не сядут в самолет с похмелья.

Самолет Борю подвел: все работало и пришлось лететь. Звено идет к цели на шестистах метрах, все время цепляя нижний край и Валера, чтобы облегчить жизнь ведомым, спускается чуть пониже, но они не расслабляются, дальше пятнадцати - двадцати метров друг от друга не отходят. Но это не сложно: в последние месяцы они столько налетали вместе, что все получается автоматически даже у пьяного Бори. Впрочем, у него , кажется, уже началось похмелье. Выход на цель, роспуск на пары. Дальше - несколько проходов над полигоном. Валера, чтобы не размазывать маневры, разворачивается с креном семьдесят и больше. Елин держится на месте, обливаясь потом и вспоминая раннего Пылюка: "Да, перегрузка - это вещь, особенно с похмелья...".Отпус-кать ведущего дальше двадцати метров нельзя: на малой высоте такие маневры выполняются с набором высоты и в конце разворотов возможен вход в облака, поэтому приходится трудиться на совесть, постоянно работая оборотами даже при незначительном изменении интервала. "Вот сволочь!" - негодует Боря - "Давит и давит перегрузкой. Мог ведь спокойно походить с креном шестьдесят! Конечно, ему так проще, от места прохода уходим недалеко и все время его видно, но мне-то тут каково!".

Он уже не может дождаться, когда кончится этот кошмар: пот ест глаза, сердце давит, ком стоит где-то посреди пищевода и непонятно, пойдет наружу, или нет. Еще заход - на бомбометание. Тут надо не только удержаться на месте, но и ничего не забыть включить из положенных тумблеров и кнопок. Сброс. Теперь бы ничего не забыть выключить... Заход на стрельбу, все включить... Огонь... Все происходит так низко, что Валера не успевает убрать крен и Боря видит пролетающие в паре метров от своей кабины гильзы ведущего... Вывод. " Кажется все!" - думает полумертвый Боря - "Можно отпустить ведущего и расслабиться." Но уход им дают почему-то правым разворотом, а Валера

зачем-то крутит его опять с приличным креном: ведомому опять приходится пахать из последних сил...

Все! Закончив работу, звено выходит за облака, разворачивается в сторону дома и идет на большой высоте между сплошной ярко белой поверхностью и режущим глаза солнцем. Боря отстал от ведущего на пару километров, Вася с Ман-друковым – еще на столько же: их боевой порядок больше никому не нужен. Боря повеселел. Его предполетная пьянка закончилась удачно. Он представил, как скажет после посадки Валере, что тот – садюга. Что заставил его, беднягу, делать никому не нужные развороты с перегрузкой, что на гильзах, которыми он его чуть не убил, дырочки на капсюлях, конечно, видны не были, но сами капсюли – отчетливо. И под конец этот боевой разворот в облаках на ведомого... И все это с похмелья! ...Хотя, похмелье-то бесследно прошло. Сердечко успокоилось, ком рассосался. "Поспать-бы!" – он включил "стабилизацию", "корректор высоты" и потянулся, насколько это возможно. В голову полезли мысли о полетах, которые, если не считать подыгрышей и учений, давно уже надоели. В училище и в первые годы после него летать было интересно: постоянная учеба, постоянно что-то новое. А потом, когда он стал рабочей лошадкой, вместе с осознанием своей летной зрелости, надежности, пришло безразличие к полетам. Они стали работой, однообразной, вызывающей все меньше эмоций. Что ждет его в будущем? Да ничего интересного: те же полеты по упражнениям, в те же зоны, по тем же маршрутам, на тот же полигон... Если за четыре года в полку он прошел путь от нуля до больших учений, освоил боевое применение, групповые полеты, ночь, сложные метеоусловия, предельно малые высоты, то за всю предстоящую летную жизнь до самой пенсии предстояло, лишь на одну ступень понизить минимум погоды днем и на несколько – ночью. Конечно, будут и учения, другие полки, другие типы самолетов, но со временем и это перестанет быть интересным. Радости полеты приносят все меньше. С другой стороны плата за них все больше: служба, которую Боря ненавидел с первого дня абитуры, стала просто невыносима, система подготовки к полетам бесит. На каждый час налета приходится не один десяток часов заполнения документации и пустых занятий. Причем соотношение это все время меняется. После каждой катастрофы, а их в ВВС происходит несколько десятков в год, следует запрет на выполнение какого-то элемн-та полетов, маневра или целого раздела подготовки и одновременно изобретаются все новые документы, графики, занятия и тренажи... Мечта, красивая Борина мечта о полетах на истребителях умерла, дисциплину он почти победил, осталась тупость. И терпел он ее уже не за что-то, а так, по привычке...

Съем в Поставах всегда был в баре, поэтому Боря с Вальком частенько торчали там, пили мало и пытались кого-нибудь склеить, но получалось это все реже и реже: весь город уже знал, что эти жениться не собираются, и девчонки на них не клевали.

Постепенно бар Боре разонравился, и однажды он сказал Вальку:

– Пошли в кабак!

– Так там ведь никого нет! – справедливо заметил тот. – Что там делать, только нажраться!

– Ну и нажремся! Надоел этот бар! Одни и те же рожи, музыка – блевотина, водки вечно нет, коктейли хуже разбавленного пива! Хочу в кабак! Нажраться!..

...Валек выпивал нормально, а Боря разошелся: пил водку наравне с Вальком, а в перерывах не переставая потягивал шампанское. После первой бутылки начались полеты: Гапо-нов – идиот, армия – дурдом, чем такая жизнь, уж лучше к станку. Хотя тезис о станке Валек не поддержал: он один из всех Бориных сослуживцев успел до училища поработать на заводе. Съели еще бутылку, Валек засобирался в бар...

– Да куда ты? Смотри, вон и девчонки подошли!

Валек все равно ушел. А девчонки – постоянный контингент, не имело смысла даже подходить к ним, да и не хотелось, но Боря почему-то встал и побрел в их сторону. Его сильно штормило, а с головой было еще хуже. Он уже подошел к взирающим на него как на стихийное бедствие дамам, а оригинальной вступительной речи так и не придумал.

Раз уж пришел, делать нечего, начал рожать на ходу:

– Э-э-э... Красавицы! Э-э-э... Потанцуем!
– С кем?
– Как это – с кем? Со мной!
– Ну, нас ведь трое...
– Да... Ну, вот с тобой! Ой, бля… С вами, пардон!
– Так музыки нет!
– Ну, включат!
– Тогда и подходи! Пардон, подходите!

Боря переступил с ноги на ногу и потерял равновесие. Не позволил ему упасть подошедший сзади и взявший его за локоть милицейский сержант:
– Товарищ, вы пьяны и ведете себя неподобающе!
– С каких это пор мне каждая указывать будет!

– Товарищ, стараясь говорить негромко, но значимо, продолжил мент, – не конфликтуйте!

– Смирно! Я военный! – заорал Боря. Точность движений вернулась, он вырвал локоть, толкнул сержанта в грудь и зашагал прочь. Может, на этом бы все и кончилось, если бы он не добавил: – Козел!

Сержант сделал знак напарнику возле входа, они проследовали за Борей на улицу и ухватили его сзади:
– Пойдем-ка с нами, сейчас узнаем, кто козел!

– Ладно, – сказал Боря, подумав, – пустите меня! Я пойду расплачусь, возьму куртку и вернусь к вам.

Менты согласились. Он рассчитался, оделся и, выйдя на улицу, сказал им:
– Пошли!

Боря пошел быстро и, выйдя на площадь уверенно повернул налево к клубу.
– Э! Не туда!

Боря прибавил скорость. Преследователи тоже. Все трое уже шли спортивной ходьбой, но на бег никто не срывался. В клубе была дискотека. Резко повернув, он зашел в толпу, вышедшую из клуба подышать, и стал быстро двигаться к ее центру, расталкивая малолеток и говоря: "Простите, извините!"

Менты следом не пошли, но когда через полчаса он вышел из клуба, перед ним оказались открытая решетчатая дверь уазика и коридор из ментов, ведущий к этой двери.
– Козлы! – весело сказал он и полез в машину.
В вытрезвителе врач составил заключение и спросил:
– Вы, видимо, офицер?

– Да, – заржал Боря, – есть такая профессия – Родину защищать!

О нем, как и положено, доложили в комендатуру, и вскоре за ним приехали комэск и замполит на машине...

...Наутро Боря проснулся от того, что Валера Ведеркин тряс его что было силы за волосы, комэск был здесь же. Разбудив Борю окончательно, дав ему стакан воды, Валера спросил:
– Хорошо подумай и скажи: ты летать вообще хочешь?

Елин жадно доглотал воду и посмотрел на них, в голове зашумело, изображение поплыло:
– Не знаю…

Валера брезгливо поводил взглядом по комнате: пустые бутылки, чинарики, одежда разбросана, посуду не мыли никогда...
– Боря, ты читал роман Чехова "На дне"?
– Нет...
– Так вот, у тебя здесь настоящая ночлежка!

На передний план вышел комэск: – Еще раз подумай: летать хочешь? – Ну… хочу. – Погнали!

Приехали в милицию, комэск зашел к начальнику и уговорил его замять дело: мол, мы этого засранца, позорящего высокое звание советского офицера, сами примерно накажем, и он больше не будет… Только не надо данные на него посылать командованию полка… Тот согласился, но с условием: сперва Боря должен предстать перед ним для беседы.

– Иди, выслушивай, – презрительно сказал комэск Елину, выйдя из кабинета, – да не

дыши на него!..

Милицейский майор начал издалека, с того, что Советская армия – любимое детище партии и народа, но Боря не дал ему развернуться:

– Я больше не буду…

Майор замолчал, потеряв нить, но быстро сосредоточился и продолжил:

– Ведь наказание несет еще и воспитательную…

– Я больше не буду!..

Майор заглох на полминуты, а потом зло сказал:

– Иди, герой, но больше не попадайся…

Из милиции Борины начальники, высадив его самого у гостиницы, погнали в полк – предупредить дежурного по полку, чтобы тот не докладывал Гапонову.

А Боря, купив литр самогона, пошел к Вальку похмеляться.

Самогонка подходила к концу. Мужиков здорово развезло на старые дрожжи, они в очередной раз чокнулись за чудесное Борино спасение:

– Ну, Боря, еще полетаем!..

В кухне внезапно появился комэск (дверь холостяцкой квартиры по выходным традиционно не закрывали):

– Хрен тебе, Елин, а не полеты! Гапонов уже все знает, дежурный успел доложить. Я хотел вместе с тобой идти к нему на поклон, но раз уж ты снова нажрался …

Комэск развел руками и ушел. Валек с жалостью посмотрел на Борю:

– Гапонов тебя любит…

– Любит… Ну, давай тогда за свободу! Выгонят с летной – служить не останусь!..

Сказав это, он вдруг почувствовал, что уход на гражданку – вопрос уже решенный и именно этого он на самом деле и жаждет. Хочешь летать, не хочешь – все уже свершилось. Стало легко.

Пошли, взяли еще литр. Боря, счастливый, вышел на балкон и стал орать на весь городок:

– Да что там небо! Пустое место! А здесь, в ущелье, тепло и сыро!

Опять возник комэск, затащил его с балкона в комнату:

– Ты че орешь? Хорош пить, лезь в холодную ванну! И чтоб завтра был как новенький! Гапонов согласился не докладывать в дивизию!..

Боре было весело и свободно:

– Ха-ха! Пустое место! А здесь, в ущелье, ха-ха, тепло и сыро!..

Комэск ушел, Боря затих. Только что он был свободным человеком, далеким от всех этих Гапоновых, и вот он снова при них:

– Наливай, Валек. Полетаем…– сказал он обреченно…

О том, что Елин посетил трезвак, вскоре узнал весь полк, и секретарь парткома немедленно стуканул об этом в дивизию. Борю выгнали из партии и автоматически – с летной работы.

Поставский полк расформировали и разбросали пополам в Лиду и в Даугавпилс.

Боря прибыл в Лиду. Представляясь командиру, сразу сказал, что служить не собирается, и попросил уволить его по служебному несоответствию. Тот не отреагировал на просьбу.

Летчиков, прибывающих из Постав, селили в гостиницу, а Боре места там не нашлось, его временно определили жить на КП, в комнате прилетающих экипажей. Бросив" Шмяка" вместе с вещами возле гостиницы, он пошел в кабак, где познакомился с девушкой, полночи ползал с ней по реставрируемой старинной Лидской крепости, а проводив, пошел на аэродром искать КП. Так как аэродром ночью охраняется, его арестовал часовой, сдал начальнику караула, и он проторчал до утра в караулке.

Елина назначили штатным помощником руководителя полетов. Он написал заявление, чтобы кормежку ему выдавали

деньгами, а также компенсировали расходы на жилье – после ночного ареста он снял домик-времянку недалеко от части и принципиально перестал появляться в полку.

В Борином домике постепенно стало весело. У него стал жить Серега Уваров, который тоже увольнялся на гражданку. Раньше он был освобожденным комсомольским работником в Поставском Батальоне обеспечения. Командование этого батальона занималось тем, что крало авиационный керосин, отвозило его целыми заправщиками в Литву и продавало там зажиточным литовцам для отопления. После каждой удачной продажи все руководство батальона уезжало в

командировку в Минск, заселялось в гостиницу «Турист», где у них все было схвачено, и гудело там по нескольку дней. Участвовал в этом и Серега. Когда их поймали при попытке продать очередную цистерну керосина, его назначили крайним и дали год условно, и вот теперь выгоняли из армии. В их компанию прибился и еще один «дембель», Игорь-пожарник. По образованию он был артиллерист, но по какому-то невероятному стечению обстоятельств прибыл в авиаполк на должность начальника пожарной охраны. Должность эта, как известно, «последняя», Игорь вскоре спился, и его выгоняли по пьянке… У пожарника была койка в общаге, обычно он просыпался первым (в районе обеда) и шел в Борин домик, где будил Борю с Серегой криком:
– А при по-жа-ре звоните ноль – один!

Они просыпались, умывались и ехали в город. Пообедав, чаще всего в кабаке, болтались по городу, ходили в кино или пили пиво. Хотя в ту пору в Поставах, например, проводились месячники и даже кварталы трезвости, когда в течение трех месяцев во всем городе вообще не торговали спиртным, даже пивом, Лидский пивзавод вопреки политике партии выпуск не сократил.

Вечером снова шли в кабак, где Серега с Борей пытались склеить девчонок, а пожарник – нажраться на халяву, подсаживаясь за чужие столики и знакомясь со всеми подряд, и под конец заказать драку. Впрочем, драка получалась редко – его огромный рост, красная репа и боевого вида усы, закрученные кверху, за которые его прозвали «Буденным», внушали окружающим страх. Кроме того, все знали, что у него есть пистолет. Как-то раз пожарник взял его в кабак – огромный чешский пневматический пистолет, – да накушался сильней обычного, так, что было ему уже не до драки, и на выходе из кабака к нему подошли трое:

– Эй, мужик, сними курточку…

Игорек, с трудом державшийся на ногах, понимал, что в таком состоянии ему троих не одолеть. «Ладно, в другой раз с этими разберусь. А куртка-то и слова доброго не стоит…» – подумал он и стал стягивать ее с себя, обнажив пистолет, торчавший за поясом.
– Эй, а это у тебя че?..

– Это? Это пистолет!.. – обрадовался пожарник, вспомнив, что вооружен. Пока он выковыривал оружие из-за пояса, злодеи разбежались.

Пьянка-гулянка обычно продолжалась в Борином домике до утра, причем если Боря с Серегой приходили из кабака без девочек, то более удачливые их товарищи приносили им самогонки и за это пользовались домиком до утра, а сами хозяева шли на их места в гостиницу.

Захарыч, хозяин времянки, и рад бы был прекратить это, но поделать ничего не мог: во-первых, Боря его предупреждал, что любит погудеть, хоть и не сказал, что это будет постоянно. А во-вторых, сразу после заселения он взял с Бори деньги за несколько месяцев вперед, так что приходилось терпеть. Павловский, Рева и Валек получили капитанов и договорились с Борей, что обмывать событие будут у него. В домик набилось человек двадцать. Начали с водочки.
– Боря, так ты уже, что ли, уволился? – спросил его Ведеркин.
– Нет еще.

– А почему мы вчера, когда возвращались из Постав на Гари-ковой машине, видели, как ты на железнодорожном переезде забивал что-то кувалдой, весь из себя такой пролетарий в оранжевом жилете?!

– Да надоела мне эта бесконечная гулянка, да и денег не хватает, я пришел в бюро по трудоустройству и сказал, что я офицер в отпуске, нужны срочно деньги, хочу поработать. Они меня и устроили на железную дорогу, кувалдой махать.
– Ты же говорил, что точно будешь увольняться…

– Так по несоответствию не увольняют, а по пьянке – неохота, говорят, на гражданке потом никуда не устроишься…

– Это в пожарники, в милицию всякую не устроишься, а если работать, то – пожалуйста!..

– Валера, ну как же я могу уволиться, тем более по пьянке, когда мне сегодня платят триста шестьдесят за то, что я хожу в полк только за получкой?

– Ну, это уже свинство, – сказал Валек, который получал меньше. – Он ведь еще и партвзносы не платит!..
Водка быстро кончилась, пошел самогон, начали петь:

И пусть как прежде, одни ухабы Судьба под ноги бросает мне. Ей
благодарен за то хотя бы, Что я летаю на Су-7Б

Появился Захарыч, рассказал свою дежурную историю про то, как он в годы войны был белорусским партизаном, выпил с мужиками и, когда самогон кончился, взяв деньги, уехал за оче-

редной банкой. Всегда, когда кончалась выпивка, он брал деньги, садился на велосипед и уезжал к соседке, которая гнала великолепный «бимбер» – самогон по польски – «для себя!».

Правда, как-то, напившись, проболтался, что гонит сам на чердаке, но потом забыл и, как и раньше, всегда уезжал куда-то минут на десять, «к соседке».

Народ доходил до кондиции, руки превратились в самолеты и начали, как обычно, летать над рюмками – опять о работе…Ко-мэски – замкомэски, чувствуя себя «в гостях», не стали нажираться до свинского состояния и, откланявшись, без посторонней помощи разбрелись по домам.

Вот уже Рева провозгласил свой коронный тост: «Мммуууууууу!..»

Пришел пожарник, пьяный, весь в глине и с трехлитровой банкой маринованной селедки. Он приехал из города, но спьяну вышел из автобуса на одну остановку раньше, зашел в чужие дворы и полкилометра пробивался до Бори, перелезая через заборы, все время падая и отбиваясь от собак:

– Боря, я к тебе полз!..

С этими словами он выронил банку, она упала и разбилась. Селедка растеклась по всей прихожей…

– Хорошо, что ты бимберу не принес, жалко было бы…

– Бимберу? Сейчас! Захарыч, сгоняй к соседке!

– Так денег надо!..

– Опять денег… Захарыч, помнишь, я тебе фляжку подарил, такую военную, зеленую, с пробкой, с брезентовым чехлом?

– Да, помню фляжку, помню…

– Хорошая фляжка!..

– Да, хорошая фляжка, очень хорошая…

– Ну так и давай, дуй к соседке, на чердак!

Фляжку эту Захарыч выпросил у пожарника месяц назад, причем пожарник, прежде чем отдать ее, заставил его долго себя уговаривать, набивая цену, так что впоследствии она обошлась Захарычу в несколько ведер самогону…

Пока ждали Захарыча, пожарник сготовил закусь. Сперва он хотел сварить суп из пакетиков, но чтобы он не был пустой – с картошкой. Но чистить картошку было лень – он засыпал ее в кипяток прямо грязную – «будет картошка в мундире». Потом, забыв про «мундир», высыпал туда и пакетики…

Окончания банкета Боря не помнил…Осталось только ощущение скуки – обычная армейская пьянка с бесконечными разговорами о полетах, только если раньше это была его жизнь, то теперь, слушая про чужие полеты, он понимал, насколько это однообразно.

Проснулся он от стука в окно, на дворе уже давно был день: «Наверное, кто-нибудь пришел похмеляться…»

– Пожарник, открой шторы, пожалуйста!

Игорь, не вставая с кровати, отдернул шторку: за окном стоял солдат и что-то орал, только было не слышно, что…

– Уж не с похмелья ль этот сон?!..

Боря вылез из-под одеяла, намереваясь открыть форточку и послушать, чего надо бойцу, но обнаружил, что на нем нет трусов. Поискав глазами, он обнаружил их в углу вместе со своими «свадебными» брюками, в которых был вчера. Все это было в каком-то масле и жутко воняло.

– Что это?!

– Это ты вчера поскользнулся на селедке…

Боря посмотрел на селедочную лужу, посреди которой там и тут валялись осколки банки. Он взял брюки и посмотрел на просвет на окно – на заднице было десятка два порезов…

– Похоже, твоя жопа теперь на барабан не годится! – заржал пожарник.

Солдат за окном давно замолк и стоял, открыв рот, следя за Борей.

– Товарищ солдат, – сказал Боря, открыв форточку, – Доложите, че надо!

– Командыр полка визивать старший литинант Елин!

– Понятно, идите!

– Что сказать командыр полка?

– Скажите, старший лейтенант Елин уже в пути!

От командира он узнал, что снят с должности, то есть получать теперь будет только за звание, а Серега, приехав из Постав, сообщил, что нашел для себя и Бори отличную работу в бригаде шабашников. Поразмыслив, приятели пришли к выводу, что увольнять Борю надо немедленно…

Вечером они пошли, как обычно, в кабак.

– Ну что, Боря, за свободу!..

Выпили...

– Честно говоря, таким, как ты, в армии вообще делать нечего. Я даже удивляюсь, как это ты столько лет протянул...

– Я думал, меня до пенсии хватит! Мы, когда приехали в По-ставы и пришли в первый раз на развод, Гапонов построил всех и сказал: "Лед на озере еще тонкий, родители, следите, чтобы ваши дети не утонули!.. ...У кого еще есть что-нибудь сказать?"

Кроме него, вылез еще кто-то: "Товарищи члены охотобще-ства, сегодня последний день сдачи членских взносов", и еще кто-то: "Сегодня для тех, у кого есть машины, будет лекция по правилам дорожного движения". Вот это, я подумал, полк! С такими заботами хоть всю жизнь служить можно!.. Кто ж знал, что это был первый развод Гапонова в должности командира... Потом-то все стало как везде... "Стой там, иди сюда..."

Мужики не стали долго рассиживать. Выпив по-быстрому поллитру и перекусив, вышли на улицу, подошли к двум милицейским сержантикам, скомандовали им: «Смирно, мы военные!» и поехали в вытрезвитель, хохоча и обзывая ментов дураками.

Уже через месяц они по колено в грязи ремонтировали овощехранилище, которое в шестидесятых годах загрузили овощами и с тех пор не разгружали…

2007 год

ЗАЛЕТНАЯ КНИЖКА

Макет, верстка Наталья ВЛАСОВА
Редактор Диана УМАНСКАЯ
Издательство "КВИСТ"
620085, Екатеринбург, ул. Монтерская, 8 Тел. 343-3475740, 904-9867401
© К.И. Аваев, 2008 ISBN 5-900474-59-3